

## САНКТ-ПЕТЕРБУРГ И СТРАНЫ СЕВЕРНОЙ ЕВРОПЫ

Е. А. АКИМОВА

### ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЖДАНОВА А. А. В СОЮЗНОЙ КОНТРОЛЬНОЙ КОМИССИИ В ФИНЛЯНДИИ

(по материалам дневниковых записей Ю. К. Паасикиви)

Дневниковые записи Ю. К. Паасикиви, занимавшего с ноября 1944 г. пост премьер-министра, а с марта 1946 г. президента Финляндской республики, охватывают период с 1944 г. по 1956 г. и представляют собой ежедневные краткие заметки о важнейших событиях в жизни страны, состоявшихся беседах и переговорах. Записи являются важным источником при изучении деятельности Союзной Контрольной Комиссии (далее СКК) в Финляндии. Их публикация в Финляндии была осуществлена в 1985 г., а в 1987 г. вышел их перевод в СССР, но тираж был предназначен для служебного пользования<sup>1</sup>. Причина подобного отношения к данным материалам в том, что они ломают стереотипное представление о гладком и безболезненном развитии добрососедских и дружественных отношений между Финляндией и СССР в послевоенный период, позволяют, в ряде случаев, по-новому взглянуть на советских представителей в СКК и соответственно оценить цели и методы их работы.

СКК была учреждена в соответствии с 22 статьей Соглашения о перемирии, подписанного Советским Союзом и Великобританией с Финляндией 19 сентября 1944 г. В ее обязанности входило регулирование и контроль за исполнением условий соглашения под общим руководством и по указанию Союзного (Советского) Главнокомандования<sup>2</sup>.

Подписанное соглашение было продолжением политики, проводившейся советским руководством в отношении Финляндии с начала второй мировой войны. Еще тогда оно взяло курс на укрепление безопасности северо-западных рубежей СССР, имея в виду не столько угрозу со стороны самой Финляндии, сколько возможность использования ее территории враждебными СССР государствами.

Война с Финляндией 1941—1944 гг. показала, что решения данной проблемы лишь путем урегулирования военных и пограничных вопросов было недостаточно. Необходимо было в корне менять советско-финляндские отношения. Эта задача отчасти была возложена на плечи председателя СКК

А. А. Жданова, заместителя политического советника Е. Т. Елисеева (Синицина) и других членов СКК.

Советское руководство видело препятствие на пути к этому в том, что после формирования нового кабинета 21 сентября 1944 г. у власти в Финляндии по-прежнему остались сторонники антисоветской политики. В связи с этим 8 октября 1944 г. состоялся разговор Р. Свенто и Е. Т. Елисеева, в ходе которого Е. Т. Елисеев заявил, что СКК не доверяет нынешнему правительству и «не считает, что оно стремится выполнять соглашение о перемирии»<sup>3</sup>.

Поскольку Соглашение о перемирии не предоставляло СКК прав решать вопросы формирования правительства, то она подталкивала финские власти к действиям в желательном направлении с помощью «товарищеских пожеланий», а также ставя дальнейшее сотрудничество в зависимость от выполнения финнами уже предъявленных требований. Так, 29 октября 1944 г. Е. Т. Елисеев заявил, что «если бы пришло новое правительство (Ю. К. Паасикиви, Свенто, Пеккала, Вальден и т. п.), то финская сторона могла бы убедиться, что «мы не только берем, но мы тоже даем»<sup>4</sup>. В итоге СКК добилась, чтобы при формировании нового кабинета министров в ноябре 1944 г. были учтены все пожелания советской стороны.

Но А. А. Жданов понимал, что дальнейший состав и судьба правительства будет зависеть от того, какой расклад сил будет в новом парламенте. В связи с этим он проявлял серьезную озабоченность, т. к. в списки кандидатов были внесены фамилии В. Таннера и тех, кто разделял его позицию, что «мирная политика Финляндии является большой ошибкой»<sup>5</sup>.

Чтобы не допустить их участия в выборах А. А. Жданов на основе 21 статьи Соглашения о роспуске организаций, ведущих антисоветскую пропаганду, добился роспуска щюцкора, «Союза братьев по оружию» и ряда других организаций. Не считая эти меры достаточными, он лично выяснял у премьер-министра Ю. К. Паасикиви, «удастся ли добиться, чтобы руководящие деятели — сторонники войны не попали в парламент?»<sup>6</sup>. Совместные усилия привели к тому, что наиболее одиозные лидеры сняли свои кандидатуры.

В итоге выборов, состоявшихся 17–18 марта 1945 г., большинство мест в парламенте получили фракции Социал-демократической партии Финляндии, Демократического союза народа Финляндии и Аграрного Союза, которые сформировали коалиционное правительство. Данный результат стал подтверждением выбора Финляндией нового политического курса в духе «Декларации об освобожденной Европе».

Материалы дневников показывают, что наиболее тяжело председателю СКК дались вопросы, связанные с выполнением финнами обязательств по статьям 11 и 13 Соглашения, так как в них не были оговорены конкретные детали и механизмы их выполнения.

Статья 11 обязывала Финляндию в течение 6 лет возместить Советскому Союзу ущерб, причиненный войной, товарами на сумму 300 млн. долларов. Советское руководство, учитывая послевоенный рост цен выдвинуло требование, чтобы при расчетах, вплоть до 1950 г., за основу были взяты цены 1938 г.

и предъявило такой список товаров, который предполагал значительное расширение машиностроительного производства. Финское руководство настаивало на пересмотре данных требований из-за финансовых затруднений и опасений, что после выплаты репараций продукция не найдет спроса на мировом рынке.

А. А. Жданов успокоил финнов, что и тогда СССР сможет ее покупать, а также пообещал снизить репарации на 10%. Сталин поддержал его и установил 15% надбавку к ценам<sup>7</sup>.

Настаивая на безоговорочном принятии советских требований в кратчайшие сроки А. А. Жданов исходил из того, что «репарации не «коммерческое дело», а политическое». В случае отказа он грозил применить санкции: забрать промышленные предприятия. Для нажима он также использовал зависимость финнов от поставок советского продовольствия<sup>8</sup>. В итоге достаточно важное для Советского Союза Соглашение о репарациях было подписано уже 17 декабря 1944 г.

Если в данном вопросе А. А. Жданов сумел добиться результата менее чем за 2 месяца, то дело о предании суду финских виновников войны затянулось вплоть до 1946 г. Видя озабоченность председателя СКК тем, что «оставаясь на свободе, эти люди получают возможность подготовиться и нанести правительству удар», Ю. К. Паасикиви с удивлением отмечал, что «Жданов не стремился повлиять на это дело», он проявлял выдержку и шел на уступки. Финскому руководству было заявлено, что за заключение союза с нацистской Германией достаточно осудить 5—10 человек, установив максимальный срок наказания 5—10 лет, а остальных, в том числе К. Г. Маннергейма, от ответственности освободить<sup>9</sup>.

Почему же в случае с Финляндией советское руководство и А. А. Жданов действовали столь «мягко»? Одно из объяснений этому дал Ю. К. Паасикиви: «Финляндия была поставлена в один ряд с «сателлитами», но финский вопрос — исключительный. У нас с Советским Союзом было две войны, ход событий определила Зимняя война. Но Зимнюю войну не мы начинали. Значительное большинство народа Финляндии следует извинить за то, что оно не принимает всерьез Нюрнбергский процесс и заверения в том, что агрессивная война будет осуждена»<sup>10</sup>. Поэтому финны использовали любую возможность, чтобы оправдать подсудимых. Только после того, как на сессии Совета министров иностранных дел союзных держав в 1945 г. в Лондоне было принято решение о применении принципов виновности в военных преступлениях к лицам, отвечавшим за начало и ведение наступательной войны и затягивание заключения мира, они приступили к принятию специального закона. В результате 21 февраля 1946 г. были осуждены 8 человек, в их числе бывший президент Р. Рюти, премьер-министры Й. В. Рангель и Э. Линкомиес, министр В. Таннер.

22 августа 1945 г. между Советским Союзом и Финляндией возобновились дипломатические отношения и на повестке дня встал вопрос о заключении мира. Кроме того, еще в январе 1945 г. обсуждение вопроса о береговых орудиях Финляндии вылилось в дискуссию о совместных интересах в отношении обороны северной части Балтийского моря, в связи с чем А. А. Жданов предложил

финнам вновь рассмотреть возможность о заключении союзного договора<sup>11</sup>. (Впервые вопрос о подобном соглашении был поставлен советской стороной еще в 1938 г.<sup>12</sup>) Обсуждение этой проблемы привело к весьма неожиданным последствиям.

В беседе со А. А. Ждановым министр иностранных дел Финляндии К. Энкель, с учетом изменений политической ситуации, попытался выяснить, «нельзя ли посредством нового договора прийти к пересмотру границ». На что тот ответил: «границы 1940 г. — это один из главных вопросов войны» и он «уже дважды урегулирован», а «его специальная задача здесь — заниматься выполнением соглашения о перемирии»<sup>13</sup>.

А. А. Жданов сумел преодолеть сопротивление финнов, вызванное различным подходом к одним и тем же проблемам, коренящемся в различии идеологий и убежденности финнов, что их договор тяжелее, чем у других «сателлитов». Соглашение о перемирии было выполнено и 6 февраля 1947 г. он прибыл в Хельсинки с прощальным визитом. 10 февраля 1947 г. в Париже был подписан мирный договор. Это позволило завершить переговоры о союзном договоре заключением в Москве 6 апреля 1948 г. Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи.

<sup>1</sup> *Paasikiven J. K. päiväkirjät. 1944–1956. Porvoo-Helsinki, 1985; Паасикиви Ю. К.. Дневники (1944–1956 годы). М., 1987.*

<sup>2</sup> *Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. М., 1946. Т. 2. С. 220.*

<sup>3</sup> *Паасикиви Ю. К. Указ. соч. Ч. 1. С. 41.*

<sup>4</sup> Там же. Ч. 1. С. 47.

<sup>5</sup> Там же. Ч. 1. С. 52.

<sup>6</sup> Там же. Ч. 1. С. 104.

<sup>7</sup> Там же. Ч. 1. С. 70, 76.

<sup>8</sup> Там же. Ч. 1. С. 175, 80.

<sup>9</sup> Там же. Ч. 1. С. 223, 167, 173.

<sup>10</sup> Там же. Ч. 2. С. 108.

<sup>11</sup> Там же. Ч. 1. С. 99, 139, 145.

<sup>12</sup> *Барышников В. Н. От прохладного мира к Зимней войне. СПб., 1997. С. 174.*

<sup>13</sup> *Паасикиви Ю. К. Указ. соч. Ч. 1. С. 209, 211.*

В. Н. БАРЫШНИКОВ

## ВОЕННЫЙ АСПЕКТ ПРОБЛЕМЫ ЛЕНИНГРАДА В СОВЕТСКО-ФИНЛЯНДСКИХ ОТНОШЕНИЯХ КОНЦА 30-Х ГОДОВ

Стремление СССР обеспечить безопасность Ленинграда в условиях угрозы второй мировой войны, когда граница с Финляндией находилась всего в 32 км от центра города, стало ключевым вопросом советско-финляндских отношений. Эта проблема уже привлекала внимание исследователей<sup>1</sup>. Однако в последнее время она как бы начала отходить на второй план в свете проявившейся тенденции пересмотреть излагавшиеся ранее концепции, связанные с возникновением Второй мировой войны. Усиленное внимание к вопросам «агрессивности» внешнеполитического курса Советского Союза накануне Великой Отечественной войны стало во многом заслонять другие проблемы, изучаемые отечественными историками.

Однако это явление не может быть полностью оправданным. В данной связи новые архивные документы показывают, что для советского руководства проблема безопасности Ленинграда далеко не была абстрактной или являлась «прикрытием» своих чисто «агрессивных» замыслов. В данном случае она была вовсе не таким простым вопросом, как сейчас утверждается в некоторых публикациях, когда подчеркивается, что «опасения вряд ли были настолько серьезными, чтобы привести к военному конфликту» между СССР и Финляндией<sup>2</sup>.

Дело в том, что, действительно, проблема безопасности Ленинграда была в конце 30-х гг. одной из центральных в отношениях Советского Союза с Финляндией. Тогда руководство СССР поставило вопрос о необходимости дипломатическими путями договориться с ней о решении проблемы безопасности Ленинграда в условиях уже надвигающейся мировой войны и более того была выдвинута идея территориальных обменов между двумя государствами.

В данной связи возникал вопрос, насколько эта советская политика являлась реалистичной и оправданной с точки зрения международной обстановки в бассейне Балтийского моря.

Чтобы ответить на него, следует прежде всего учитывать, что в Хельсинки в 1920—1930 гг. традиционно рассматривали Советский Союз как единственное государство, с территории которого Финляндии угрожала опасность. Уже с 20-х гг. в оперативных планах финского командования Советский Союз считался вероятным военным противником. Возможность ведения боевых действий с ним предусматривалась как в предслах своих границ, так и на советской территории<sup>3</sup>. Карельский перешеек фигурировал при этом в качестве основного района, где могут вестись боевые операции.

Советская разведка, начиная с 20-х гг., стремилась четко понять, что делается в Финляндии в военном отношении<sup>4</sup>. При этом «у Москвы были необходимые ей глаза и уши в Финляндии» — отмечал известный историк К. Корхонен<sup>5</sup>. В одном из обобщающих документов ВМФ приходили к заключению,

что в своих отношениях к СССР Финляндия считает его «единственным своим вероятным противником»<sup>6</sup>.

Однако с советской стороны больше всего опасались создания какой-либо коалиции европейских государств против СССР с участием Финляндии. Поэтому обращали внимание именно на развитие ее военного сотрудничества с другими странами. В начале 30-х гг. в Москве отмечали, в частности, что «под руководством и при непосредственном участии английских специалистов, Финляндия приближается к выполнению плана создания «Морской обороны». При этом учитывали то, что «только юго-восточный район (Котка – Карельский перешеек – Салми) является прочным барьером. К западу... финское побережье являло собой ряд уязвимых мест»<sup>7</sup>. Из этого делался вывод, что Финляндия готовилась к войне исключительно с СССР. При всем этом советское руководство улавливало наличие определенной тенденции в Финляндии развивать военное сотрудничество со Швецией. По имевшимся в Москве данным, в генштабе шведских вооруженных сил высказывалось мнение, что «единственно возможная война для Швеции это война против СССР». Предполагалось, что возникновение войны может начаться из-за «защиты» Финляндии от нападения с востока, причем в данном случае шведским вооруженным силам следовало учитывать также помощь ведущей европейской державы<sup>8</sup>. В 20-е гг. под нею подразумевалась Англия.

В последнее время шведско-финляндское военное сотрудничество в 1920–1930-е гг. активно изучалось<sup>9</sup>. По данным, которые приводит финский историк М. Туртола, оперативный план, подготовленный генштабом Швеции в 1933 г., предусматривал переброску шведских войск непосредственно к советско-финляндской границе, при этом было разработано 13 различных вариантов ведения наступательных боев против советских войск в начале возможной войны<sup>10</sup>. Таким образом данное сотрудничество представляло для СССР определенную опасность.

Из сведений, которые поступали в Москву от советской разведки, настораживало внимание Швеции к Карельскому перешейку и его военным объектам. Давая оценку этому интересу к укреплениям на Карельском перешейке, советский военный атташе в Финляндии П. Иванов сообщал в 1934 г. о боязни шведов, что финны окажутся неспособными «сдержать наше наступление до мобилизации и прибытия помощи извне»<sup>11</sup>.

В действительности, в начале 30-х гг. в финском генеральном штабе учитывалась возможность «мощного финского наступления на Ленинград и на базу Балтийского флота»<sup>12</sup>. В своем недавнем исследовании хельсинкский историк Я. Лескинен прямо отмечал: «Генеральный штаб считал, что наступление против Ленинграда являлась трудной задачей, но не невозможной. Зимние условия при этом были бы более благоприятными для такого нападения»<sup>13</sup>. В частности командование тогда вообще исходило из положения, что финские войска без задержки «должны были решительно попытаться прорваться к Ленинграду, чтобы захватить город и уничтожить Балтийский флот»<sup>14</sup>. В данном случае особая роль отводилась помощи со стороны Швеции и других балтийских

стран. Считалось, что при быстрой мобилизации, это «дало бы Финляндии решающее превосходство сразу же с началом войны и позволило бы начать мощное наступление на Ленинград»<sup>15</sup>. Безусловно, что исходным в такой военной стратегии являлся учет бесспорной уязвимости Ленинграда в связи с его близким расположением к финской границе.

Но наряду с данной доктриной в Финляндии предполагали и блокирование Ленинграда с моря. В этом смысле финское военное командование фактически стремилось учесть существовавшую в царский период систему защиты Петербурга от военно-морского нападения.

В сотрудничестве с эстонским генеральным штабом в 30-е гг. началась активное оборудование побережья Финского залива на самом узком его участке тяжелой артиллерией, способной полностью блокировать выход советского флота из Кронштадта в Балтийское море. Кроме этого в сотрудничестве с Эстонией планировалось создать широкую минную позицию в той же части Финского залива и активно использовать прежде всего подводный флот. Как отмечает Я. Лескинен, «совместные планы финских и эстонских флотов достигли такой стадии, когда эстонские подводные лодки при возникновении войны присоединялись к финскому флоту под финским руководством»<sup>16</sup>. В данном случае предполагаемая блокада Ленинграда с моря «могла считаться мощным препятствием, которое привело бы советский флот к серьезному, если не абсолютному поражению»<sup>17</sup>.

Естественно, что подобное военное планирование не могло не быть замечено в СССР. С учетом этого допускалось, что при возможном финско-эстонском военном сотрудничестве могло быть осуществлено перекрытие артиллерийским огнем «доступа Красного флота в западную часть Финского залива». Анализ всего комплекса подготовительных мероприятий, проводившихся Финляндией, «подтверждал мысль, что при создании единой системы морской обороны расчет делался на прибытие морских сил шхерного типа некой морской державы»<sup>18</sup>. К тому же на основе оценки разведывательных данных в штабе Балтийского флота делали заключение, что на острове Койвисто (Большой Березовый) финское командование также начало подготовку позиций для артиллерийских батарей, огонь которых позволил бы держать под обстрелом «единственный фарватер для выхода из Кронштадта»<sup>19</sup>.

Таким образом советское руководство было отчасти информировано о военных планах Финляндии в отношении Ленинграда. В условиях стремительно обострявшейся обстановки конца 30-х гг. в СССР еще более внимательно начали подходить к проблеме безопасности города. Наряду с наращиванием оборонительных мероприятий на Карельском перешейке в Советском Союзе также стали учитывать возможный военный союз Финляндии и Германии. При этом, по оценке советской военной разведки, балтийский регион считался «наиболее вероятным плацдармом для нападения... на Советский Союз». В Генеральном штабе Красной Армии допускали, что Германия сможет в самом начале войны перебросить в Финляндию до двух своих дивизий, которые непосредственно смогут атаковать советские позиции<sup>20</sup>.

Учитывая все эти обстоятельства, и исходя из признания того факта, что Финляндия ни коим образом не будет военным союзником СССР в условиях надвигавшейся войны, в Москве очевидно решили путем изменения границ добиться гарантии безопасности Ленинграда. Этим объясняется и то, что в ходе советско-финляндских переговоров наибольшее внимание обращалось именно на острова в Финском заливе, а также на побережье Карельского перешейка<sup>21</sup>, что указывает именно на военный аспект этих требований, связанных с безопасностью Ленинграда. Не добившись желаемого дипломатическим путем, Советский Союз в конце концов пошел по пути силового решения поставленной проблемы.

<sup>1</sup> История второй мировой войны 1939—1945. Т. 3. М., 1974; История ордена Ленина Ленинградского военного округа. М., 1988; *Барышников Н. И.* На защите Ленинграда. Обеспечение безопасности и оборона города с севера в годы второй мировой войны. Л., 1978; *Seppälä H.* Taistelu Leningradista ja Suomi. Porvoo-Hels., 1968 и др.

<sup>2</sup> *Семиряга М. И.* Советско-финляндская война. М., 1990. С. 17.

<sup>3</sup> *Seppälä H.* Itsenäisen Suomen puoluspolitiikka ja strategia. Porvoo, 1974. S. 1974; Suomi sodassa. Keuruu, 1982. S. 20—21.

<sup>4</sup> Российский государственный военный архив. Ф. 37977. Оп. 5. Д. 64. Л. 28. Разведанные о финских укреплениях на Карельском перешейке, 15.2.1924; Российский государственный архив Военно-Морского Флота (далее: РГАВМФ). Ф. р-92. Оп. 2. Д. 18. Разведсводки штаба ЛВО, 28.3-12.12.1924; Д. 25. Сведения штаба РККА, 7.2-14.8.1925; Ф. р-1483. Оп. 2. Д. 38. Бюллетени разведывательного управления штаба РККФ, 13.1-24.8.1926; Ф. р-307. Оп. 2. Д. 6. Двухнедельные сводки штаба РУ РККА и штаба ЛВО; Д. 7. Сведения о вооруженных силах Финляндии и др.

<sup>5</sup> *Korhonen K.* Naapurit vastoin tahtoon. Hels., 1966. S. 66.

<sup>6</sup> РГАВМФ. Ф. р-92. Оп. 2. Д. 22. Л. 15. Военно-политический обзор о Финляндии, составленный оперативным управлением РКМФ, 1924.

<sup>7</sup> Там же. Оп. 1, Д. 937, Л. 2-11. Записка помощника начальника 3-го отдела штаба морских сил Балтийского моря Петровского «Проблемы морской обороны на финско-ладожском театре», 1930 г.

<sup>8</sup> Документы внешней политики СССР. Т. ХУШ. М., 1967. С. 335.

<sup>9</sup> *Turtola M.* Torniojoelta Rajaoelle. Hels.; Juva, 1984.

<sup>10</sup> Ibid. S. 128.

<sup>11</sup> РГАВМФ. Ф. р-1483. Оп. 1. Д. 224. Л. 145. Донесение военного атташе в Финляндии П.Иванова, 8.10.1934.

<sup>12</sup> *Leskinen J.* Valettu Suomen silta. Hels., 1997. S. 28-

<sup>13</sup> Ibidem. S. 29.

<sup>14</sup> Ibidem.

<sup>15</sup> Ibidem. S. 38-

<sup>16</sup> *Leskinen J.* The silenced bridge of Finland. Secret military cooperation between Finland and Estonia against the Soviet Union, 1930—1939 // Россия и Финляндия в XX веке. СПб. — Liechtenstein, 1997. С. 124.

<sup>17</sup> Там же. С. 125.

<sup>18</sup> РГАВМФ. Ф. 92. Оп. 1, Д. 937, Л. 2-11. Записка помощника начальника 3-го отдела штаба морских сил Балтийского моря Петровского «Проблемы морской обороны на финско-ладожском театре», 1930 г.

<sup>19</sup> Там же. Оп. 2. Л. 109. Военно-политический обзор о Финляндии, составленный оперативным управлением РКМФ, 1924; Ф. р-1529. Оп. 1. Д. 48. Л. 142. Советско-финляндская война 1939—1940 гг. на море.

<sup>20</sup> РГВМФ, Ф.92. Оп. 2, Д. 352, Л. 16-17. Записка о составе, численности, мобилизации и развертывании морских сил вероятных противников на Балтийском театре, 31.5.1937.

<sup>21</sup> См.: *Барышников В.Н.* От прохладного мира к зимней войне: Восточная политика Финляндии в 1930-е годы. СПб., 1997. С. 168—248.

И. И. БАРЫШНИКОВ

## МАННЕРГЕЙМ И БЛОКАДА ЛЕНИНГРАДА

За последнее время в российской историографии и публицистике стало появляться все больше материалов биографического характера, которые затрагивают отдельные периоды деятельности маршала Финляндии Карла Густава Маннергейма (1867—1951). В центре внимания, как не трудно заметить, остаются преимущественно годы второй мировой войны, когда он был главнокомандующим финской армии, дважды находившейся в состоянии войны с Советским Союзом: в 1939—1940 гг. и в 1941—1944 гг. Поэтому вполне понятно желание пишущих более точно и объективно охарактеризовать финского маршала, как военачальника и политического деятеля, поскольку в прошлом в советской печати ему давалась, главным образом, негативная оценка. Теперь в стремлении переосмыслить прошлое в жизни и деятельности Маннергейма стала наблюдаться тенденция перехода ко взвешенному, всестороннему подходу в этом вопросе.

Восторги и преувеличения по поводу деятельности и взглядов К. Г. Маннергейма стали особенно заметны в публикациях профессора Л. В. Власова — не профессионала-историка, а человека, увлеченного описаниями всего того, что связано с жизнью маршала. Характерна в этом отношении статья Л. В. Власова «Маршал Маннергейм: великий сын Финляндии», опубликованная в середине 1997 г. Касаясь, как это видно, причины, побудившей Финляндию вступить в 1941 г. в войну против СССР на стороне Германии, автор начинает с того, что «утром 22 июня 1941 года (!) был нанесен „удар советской авиации по городам Финляндии“». При этом пишется, что сам Маннергейм «был против сотрудничества» с Германией, но «его, как обычно, не слушали». Затем читателю объясняют, что Маннергейм в войне с Советским Союзом «как бы использовал немцев для защиты Финляндии, избегая при этом далеко идущих планов. Маршал отказался от наступления на Ленинград»<sup>1</sup>.

В цитируемой части статьи Л. В. Власова нет ни одного из положений, соответствующих действительности, начиная с того, что удар советской авиации был нанесен не 22 июня, а 25 июня и не по финским городам, а по 18 аэродромам Финляндии, использовавшимся немецкими бомбардировщиками для

осуществления налетов на районы Ленинграда, Кронштадт, Беломорско-Балтийский канал, Кировскую железную дорогу и Мурманск<sup>2</sup>. Что же касается позиции Маннергейма в ходе выполнения германских планов агрессии против СССР с участием Финляндии, когда финская армия готовилась к боевым действиям и должна была вести главными силами наступление на Ленинград, а затем осуществлять длительную блокаду города с севера, то на ней следует остановиться подробнее.

Согласно окончательно разработанным в мае 1941 г. представителями генеральных штабов Германии и Финляндии оперативных планов, финские войска должны были наступать на ленинградском направлении с таким расчетом, чтобы соединиться с немецкой группой армий «Север», которая имела задачу, продвигаясь из Восточной Пруссии, подойти к Ленинграду с юго-запада. Финскими историками уже довольно подробно изложен, в деталях, процесс выработки плана этого наступления<sup>3</sup>.

Естественно, К. Г. Маннергейм, являясь главнокомандующим финскими вооруженными силами, не только был осведомлен о вырабатывавшихся оперативных планах, но и непосредственно определял позицию представителей генерального штаба Финляндии на переговорах в Германии. Как пишет известный финский военный историк Хельге Сеппяля, уже в конце 1940 г. начальник генерального штаба генерал-лейтенант Э. Хейнрикс «получил от главнокомандующего приказ взять в свои руки осуществление сотрудничества с германскими официальными военными лицами»<sup>4</sup>. Именно Э. Хейнрикс возглавлял финскую военную делегацию (в нее входили представители генштаба полковники К. А. Тапола, Э. Мякинен, Х. Росс и начальник штаба ВМС командор С. А. Сундман) на заключительных переговорах в конце мая 1941 г., которые велись в Германии с фельдмаршалом В. Кейтелем, генералами А. Йодлем, Ф. Гальдером и другими высокопоставленными лицами немецкого вермахта.

Как пишет финский исследователь — историк А. Руси, «в определении командующим общих оперативных планов в начальной стадии войны вопрос о взятии Ленинграда составлял сущность финско-немецкого сотрудничества»<sup>5</sup>. Эту мысль подтверждает также крупный финский историк, автор многих работ, относящихся к участию Финляндии во второй мировой войне, В. Халсти. «Падение Ленинграда, — указывает он, — рассматривалось в качестве первоочередной важности как в ходе войны, так и ее конечным результатом»<sup>6</sup>.

Вообще в высших финских военных кругах, по свидетельству одного из их центральных фигур в ставке Маннергейма генерала А. Айро, восторгались тем, что были выработаны планы наступления на Ленинград<sup>7</sup>. Показательна в этом смысле беседа, состоявшаяся у К. Г. Маннергейма с генералом П. Талвела 5 июня 1941 г., получившего вскоре назначение командовать VI корпусом, наступавшего на острие главного удара, наносившегося финской Карельской армией на ленинградском направлении в обход с востока Ладожского озера для встречи с немецкой группой армий «Север». Талвела пишет в своих мемуарах: «Когда я прибыл, маршал объявил мне, что Германия на днях совершит нападение на Советский Союз... что немцы не просят нас ни о чем другом, кроме

как нанести сильнейший удар в направлении Ленинграда. Он объявил об образовании специальной группы для осуществления этого удара и предложил мне ею командовать, спросив, желаю ли я этого. Я поднялся молниеносно со стула и заявил: „Да это же величайший момент в моей жизни“»<sup>8</sup>.

Уже после войны, в 80-е годы, бывший пресс-атташе Германии в Хельсинки в 1939—1944 гг. Ганс Метцгер писал: «...Обрисованная Талвела беседа с маршалом согласуется почти дословно с теми сведениями, которые я получил в начале июня 1941 г. от Рессинга <немецкого военного атташе в Финляндии. — *И. Б.*>...»<sup>9</sup>.

Не трудно понять, что Маннергейм непосредственно руководил подготовкой наступления финской армии на Ленинград в расчете на соединение с немецкими войсками, которые должны были прорваться к городу с юго-запада.

В ходе осуществления намеченных планов в начальный период агрессии против Советского Союза финские войска, достигнув старой государственной границы 1939 г., продолжали дальнейшее наступление на ленинградском направлении. После 1 сентября 1941 г. на Карельском перешейке они, форсировав реку Сестру, захватили ст. Белоостров и ряд других населенных пунктов. Бои развернулись на подступах к Сестрорецку. На Ладожско-Онежском перешейке финским войскам удалось выйти 7 сентября к реке Свирь и, овладев Свирской электростанцией, начать расширять плацдарм на ее южном берегу.

9 сентября 1941 г., когда немецкие войска группы армий «Север» вышли к южному побережью Ладожского озера, Ленинград был блокирован. За успешное руководство боевыми действиями Маннергейм был награжден Гитлером рыцарским крестом всех трех степеней. 4 сентября его вручил маршалу, прибывший в ставку генерал А. Йодль. Но этот визит представителя высшего военного руководства вермахта имел главным образом иную цель — побудить главнокомандующего к более решительным действиям в наступлении на Ленинград. Он заверил маршала, что, окружив город, его удастся взять еще до наступления зимы<sup>10</sup>.

Но у Маннергейма появились уже другие настроения. Как пишет финский военный историк Вилхо Тервасмяки, маршал еще в августе 1941 г. заметил замедлившееся наступление немецких войск на ближних подступах к Ленинграду и то, что в сентябре они почти полностью вынуждены были его приостановить<sup>11</sup>, неся огромные потери в боях с защитниками города. К тому же 23 августа Маннергейм получил от Кейтеля письмо, в котором тот ставил в известность, что немцы не намерены сразу брать Ленинград штурмом, а окружают его с юга<sup>12</sup>. Поскольку перед финскими войсками ставилась задача все же продолжать наступление на ленинградском направлении, Маннергейм отреагировал на это отрицательно. В ответе Кейтелю 27 августа он писал, что финская армия находится в таком состоянии, что не может наступать. Аргументируя это, он сослался на следующее: 1) в условиях, когда 16% населения Финляндии находится под ружьем, ее армия понесла невосполнимые потери; 2) с советской стороны у старой границы находятся сильные укрепления, для прорыва которых у финнов нет пикирующих бомбардировщиков и тяжелых орудий<sup>13</sup>.

Касаясь того, что немецкие войска затоптались на подступах к Ленинграду и не смогли штурмовать его, а финнов побуждали из Берлина решительно действовать, Маннергейм в своих воспоминаниях добавлял к этому, что втайне от Финляндии германское командование стало перебрасывать 5 сентября свою танковую группу из-под Ленинграда на московское направление<sup>14</sup>.

Как не трудно заметить, приостановившееся в такой ситуации наступление финских войск на Ленинград являлось вовсе не следствием проявления «доброе» отношения к нему со стороны Маннергейма. Тем более миф о финском главнокомандующем как о «спасителе» Ленинграда становится очевидным при обстоятельном анализе всей совокупности фактов, которые обусловили поведение политического и военного руководства Финляндии в той обстановке. Обобщая сказанное выше, выделим главные из них: во-первых, возросшее противодействие защитников Ленинграда наступавшим на город войскам; во-вторых, явно выразившийся отказ немецкого командования идти на штурм города с юга силами группы армий «Север»; в-третьих, оценка финским военным руководством бесперспективности прорыва войск через Карельский укрепленный район; в-четвертых, массовые выступления в ряде частей финской армии против требования наступать через старую государственную границу и разраставшееся дезертирство солдат; в-пятых, давление западных союзников на правительство Финляндии с требованием прекратить продвижение ее войск в глубь советской территории и личное обращение Черчилля с письмом к Маннергейму в этой связи.

Такие выводы находят поддержку и у финских историков, в частности, у профессора Охто Маннинена<sup>15</sup>, являющегося одним из ведущих специалистов в области истории второй мировой войны.

В последующее время, в условиях начавшейся длительной блокады Ленинграда немецкими и финскими войсками, К. Г. Маннергейм стал проявлять сдержанность в выражении своего отношения к тому, что касалось ведения в перспективе наступления на ленинградском направлении. Больше того, им были запрещены полеты финской авиации в сторону Ленинграда. Своему же родственнику, известному дипломату Г. А. Грипенбергу он замстил в феврале 1942 г., что «отказывается от участия в наступлении на Петербург, поскольку ни один русский никогда не забудет, если мы сделаем это»<sup>16</sup>. В дальнейшем, в 1943 г. мысль об отказе вообще проводить в перспективе наступательные операции Маннергейм подтвердил после поражения немецких войск под Сталинградом. По словам генерала В. Эрфурта — немецкого представителя в ставке финского главнокомандующего, Маннергейм заявил ему 4 марта 1943 г.: «Я больше не наступаю. Я потерял уже слишком много людей»<sup>17</sup>.

Маннергейм, конечно же, знал о неоднократно отдававшихся Гитлером приказам в 1941—1943 гг. стереть Ленинград с лица земли. В этой связи, очевидно, финский маршал был настроен действовать таким образом, чтобы не быть причастным к столь чудовищному замыслу. Как можно судить по отдельным источникам, он считал, что взятие Ленинграда должны были осуществлять именно немецкие войска. А по поводу намерения «сравнять город с землей»

Маннергейм, по словам того же Эрфурта, сказал ему еще в августе 1941 г. так: «В этом случае русские построят свой новый Петербург»<sup>18</sup>.

Осуществление же задачи блокады Ленинграда финскими войсками с севера Маннергейм выполнял неуклонно, хотя хорошо знал, какие жертвы несло его население от наступившего в городе голода, от его артиллерийских обстрелов и бомбардировок. Не без ведома финского главнокомандующего была предпринята в 1942 г. также попытка захватить остров Сухо на Ладожском озере, чтобы перерезать Дорогу жизни, связывавшую Ленинград с Большой землей. Характерно и то, что финская армия продолжала упорно удерживать свои позиции в блокадном секторе даже после ликвидации угрозы городу со стороны немецких войск в результате разгрома их в ходе успешного наступления Ленинградского и Волховского фронтов в начале 1944 г.

В оценке личности Маннергейма — «многоликого», как выразился известный эстонский историк Херберт Вайну<sup>19</sup>, должна соблюдаться правда истории.

<sup>1</sup> Власов Л. Маршал Маннергейм: великий сын Финляндии // Голос Финляндии. 1997. № 3. С. 7.

<sup>2</sup> Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации. Ф. 362. Оп. 6169. Д. 6. Л. 24; Новиков А. А. В небе Ленинграда. Записки командующего авиацией. М., 1970. С. 41; Jokipii M. Jtkosodan synty. Hels.-Keuruu, 1987. S. 601—611; Manninen O. Barbarossa — hyökkäys alkoi Kannakselta // Sotilasaikakauslehti. 1991. № 6—7. S. 482—488.

<sup>3</sup> См.: Jokipii M. Op. cit. S. 355—475; Seppälä H. Suomi hyökkaajana 1941. Porvoo-Hels.-Juva, 1981. S. 75—87.

<sup>4</sup> Seppälä H. Op. cit. S. 66.

<sup>5</sup> Rusi A. Lehdistosensuuri jatkosodassa. Hels., 1982. S. 144.

<sup>6</sup> Halsti W. Suomen sota 1939—45. II. Kesäsota 1941. Keuruu, 1956. S. 72.

<sup>7</sup> Jägerskiöld S. Suomen marsalka Gustaf Mannerheim 1941—1944. Hels., 1981. S. 200.

<sup>8</sup> Talvela P. Sotilaan elämä. I. Jyväskylä, 1976. S. 269.

<sup>9</sup> Mezger H. Poliittiset aseveljet. Hels., 1986. S. 26.

<sup>10</sup> Seppälä H. Op. cit. S. 159.

<sup>11</sup> Tertasmäki V. Mannerheim — valtiomies ja sotapäällikkö talvi — ja jatkosotien käännekohdissa. Hels., 1987. S. 98.

<sup>12</sup> Tuompo W. Päiväkirjani päämajasta 1941—1944. Porvoo, 1969. S. 54.

<sup>13</sup> Polvinen T. Barbarossasta Teheraniin. I. Porvoo-Hels. Juva, 1979. S. 25.

<sup>14</sup> Mannerheim G. Muistelmat. II. Hels., 1952. S. 351.

<sup>15</sup> См.: Блокада рассекреченная. СПб., 1995. С. 150.

<sup>16</sup> Цит. по: Tertasmäki V. Op. cit. S. 100.

<sup>17</sup> Erfurth W. Suomi sodan myrskyssä 1941—44. Porvoo, 1951. S. 142.

<sup>18</sup> Цит. по: Polvinen T. Op. cit. S. 27.

<sup>19</sup> Вайну Х. Многоликий Маннергейм // Новая и новейшая история. 1997. № 5. С. 142.

Д. А. КОЛЬЧУГИНА

**ФИНСКИЕ ВЛИЯНИЯ В ТВОРЧЕСТВЕ Р. Ф. МЕЛЬЦЕРА**  
(на примере каменноостровских особняков)

Каменноостровские особняки, спроектированные в 1904—1906 гг., архитектором Высочайшего двора Р. Ф. Мельцером, по праву причислены к наиболее выдающимся образцам «северного модерна». Несмотря на свою известность и частое упоминание в научных трудах, эти постройки можно отнести к числу наиболее загадочных с точки зрения формирования образного решения<sup>1</sup>. В данной статье предпринимается попытка, не делая упор на историко-архивной стороне вопроса, рассмотреть в первую очередь композиционно-стилистические особенности построек.

В 1903 г. Мельцер взял в аренду небольшой участок на Каменном острове для строительства дома. Ничто на проекте постройки, разрешенной к строительству, за исключением плана, не напоминает о ныне существующем «доме-сказке»<sup>2</sup>. Более того, стиль модерн проявляется в проекте крайне сдержанно: лишь в рисунке трубы и очертаниях первого этажа. Но уже в 1904 г. возводится постройка, которую можно назвать своеобразным манифестом «северного модерна» в архитектуре Петербурга.

Трудно сказать, что повлияло на замысел архитектора столь радикально. Отсутствие проекта осуществленного дома еще более осложняет ответ на этот вопрос. Безусловно, знакомство Мельцера с образцами «северного модерна» состоялось значительно раньше 1904 г. — на Всемирной выставке в Париже в 1900 г., на которой всобщес внимание привлек павильон Финляндии Г. Гезеллиуса, А. Линдгрена, Э. Сааринена. Вряд ли «финский модерн» смог бы найти такой широкий отклик среди петербургских архитекторов, не будь он столь созвучен суровой природе, неброской цветовой гамме Севера. Мировое признание и региональная общность Финляндии и Северо-запада России стали определяющими факторами, способствовавшими быстрому распространению нового течения в Петербурге. В русской и иностранной периодике появились одобрителные отзывы и фотографии финских построек, владельцы которых, а точнее их авторитет и вес в обществе, в не меньшей степени способствовали проникновению новых художественных веяний. Дом Мельцера — первый, пожалуй, особняк «северного модерна» в Петербурге, но не самый ранний, принадлежавший петербуржцу.

В 1898 г. к западу от Хельсинки в поместье «Палониemi» по проекту Гезеллиуса, Линдгрена, Сааринена строится дом, владельцем которого был петербургский купец I-й гильдии Г. фан Гильзе фан-дер-Пальс, совладелец резиновой мануфактуры «Треугольник»<sup>3</sup>. «Палониemi» — одна из ранних совместных работ, открывающих собой ряд знаменитых загородных вилл, спроектированных «финским трио». «Палониemi» была далеко не единственным домом, принадлежавшим Г. фан Гильзе фан-дер-Пальсу. Один из них стоял на Каменном острове.

Там же, на Каменном острове располагалась усадьба его компаньона, швейцарского гражданина М. Л. Отмар-Нейшеллера. Последовав примеру партнера, в 1901 г. он заказывает «финскому трио» знаменитую виллу «Суур-Мерийоки». Насквозь эстетизированная среда обитания виллы предназначалась для проживания в ней семейства солидного предпринимателя, а не богемного чудака и оригинала. «Суур-Мерийоки» вызвала широкий резонанс среди художественной общественности Европы, и, судя по всему, именно она заставила петербуржцев взглянуть на финских архитекторов не только как на способных молодых мастеров из «далского, северо-восточного угла Европы»<sup>4</sup>, но как на представителей признанного ею направления. Не последнюю роль сыграл и тот факт, что авторы виллы отказались от многих атрибутов «финского стиля», лишив ее образ национального пафоса, и таким образом, сделав ее вполне приемлемой для столицы.

Мельцер, архитектор Высочайшего двора, художественный руководитель крупнейшей в России мебельно-столярной фирмы, скорее всего, был знаком со своими соседями по Каменному острову. Несомненно, архитектору были известны вышеупомянутые виллы по публикациям в журналах. Вполне вероятно и то, что знакомство с ними могло состояться непосредственно в Финляндии. Творчество финнов, возможно, было интересно Мельцеру как оформителю. Это предположение подтверждают интерьеры собственного дома Мельцера, демонстрирующие отклик на внутреннее убранство знаменитой виллы «Виттреск»<sup>5</sup>.

Из упомянутых выше трех вилл финских зодчих последнюю можно рассматривать как непосредственный источник воздействия на замысел Мельцера. Построенная в тридцати километрах от Хельсинки, «Виттреск» была одновременно домом и местом работы Гезеллиуса, Линдгрена, Сааринена. Вилла-студия «Виттреск» являлась воплощением той работы, которая велась внутри ее стен и как никакая другая должна была соответствовать понятию «завершенное произведение искусства». В основном она была завершена в 1902 г., но окончательный ее облик сложился к 1904 г., когда ее северное крыло увенчала башенка. Основываясь на традициях скандинавской и финской средневековой архитектуры, а также народного зодчества, авторы виллы сделали основной акцент не на этнографических мотивах, а на выявлении и обыгрывании суровой красоты северной природы. В живописной игре объемов, в динамичных перепадах уровней крыш, в использовании подпирających выступающие части бревен-консолей и, наконец, в обращении к природным строительным материалам угадываются черты и приемы, свойственные дому Мельцера. Это впечатление усиливается при сопоставлении планов дома Мельцера и «крыла Линдгрена».

Повышенный интерес к собственным домам архитекторов не случаен: проектируя свой собственный дом, архитектор максимально свободен и независим. Он считается только со своими вкусами и руководствуется, прежде всего, собственными представлениями о том, каким должно быть жилье. По тому, какой дом он себе выстроил, будут судить о нем в дальнейшем. Зная об этом, архитектор предпочтет приступить к такой работе, будучи человеком, уже

занимающим определенное положение, крепко стоящим на ногах. Видимо, Мельцер, отказываясь от проекта маловыразительной постройки, руководствовался также этими соображениями. Интересно, что его первоначальные замыслы были значительно масштабнее: архитектором было составлено не менее четырех проектов, включающих дом, беседки, службы, от которых по разным причинам пришлось отказаться. Судя по всему, пристальный интерес к «финскому модерну» возник у Мельцера именно в связи со строительством собственного дома и не без участия богатых соседей по Каменному острову. А «Виттреск» безусловно, должна была в первую очередь привлечь его внимание как вилла-студия признанных мастеров, как законченное выражение нового направления в архитектуре.

К числу источников влияния на архитектурный образ особняка Мельцера можно также причислить дом Я. Сибелиуса, построенный в 1904 г. его другом Л. Сонком. Одна из самых выразительных деталей дома - деревянная веранда, сложенная из бревен. Как и в доме Мельцера, она расположена на углу в виде прямоугольного в плане выступа, нависающего над каменным цоколем и подпираемого снизу бревнами-консолями. Использование подобных консолей было не свойственно финской народной архитектуре. Этот прием - заимствование из скандинавской строительной традиции. Петербургскую и финскую постройки объединяет то, что в обоих случаях их авторы стремились создать некий обобщенный поэтический образ Севера, не прибегая к прямым цитатам.

Очевидно, каменноостровский особняк избежал стадии незрелой постройки, свойственной ранним произведениям, в первую очередь благодаря тому, что эволюция от увлечения этнографией в архитектуре к обобщению накопленного опыта и знаний уже была проделана соседями-финнами. А собственный дом архитектора императорского двора Р. Ф. Мельцера демонстрирует основательное знакомство и глубокое усвоение пройденного.

Особняк Э. Г. Фолленвейдера не менее загадочен с точки зрения стилистического анализа, однако он не столь многословен в средствах выражения, нежели собственный дом Мельцера. Хорошо известен тот факт, что первоначально проект был заказан В. И. Шене, но по каким-то причинам заказ в 1904 г. перешел к Мельцеру<sup>6</sup>. До того момента как заказчик кардинально изменил свое мнение, Шене уже успел многое сделать. Кроме того, особняки на Каменном острове, выполненные Шене под сильным влиянием архитектуры Центральной Европы, должны были быть более близки вкусам швейцарского гражданина, нежели суровая романтика «северного модерна».

Возможно, ответ на этот вопрос отчасти кроется в желании Э. Фолленвейдера иметь дом, построенный с таким же размахом, с каким были сооружены новейшие виллы промышленников. Решив укорениться на Каменном острове, Э. Фолленвейдер, вероятно, пересматривает свои требования к будущему жилью. Это предположение подкрепляется тем обстоятельством, что при сооружении дома от проекта Мельцера 1904 г. был сделан целый ряд отступлений, благодаря которым он из деревянного окончательно превратился в каменный. Внутреннюю планировку Мельцер оставил без существенных изменений,

полностью переработав образный строй сооружения. Размах, с которым построен дом, формообразующие принципы средневекового замкового строительства, взятые за основу при разработке его образа, пластика объемов, и ряд других черт позволяют предположить влияние уже упомянутой виллы «Паллоиemi» и виллы «Селин», спроектированной в 1901 г.<sup>7</sup> Вилла «Селин» — наиболее наглядный пример выявления органических свойств архитектуры в творчестве группы Сааринена. Однако каменноостровский особняк лишен утрированной тяжеловесности финских вилл. Элегантные пропорции, ясные очертания и изящный рисунок кровли башни сближают его с неоромантическими постройками Центральной Европы, придавая ей более приветливый характер.

Особняк Э. Фолленвейдера достаточно самостоятельное произведение для того, чтобы говорить о прямых заимствованиях и источниках влияния на его автора. Следует отметить то, с какой безошибочностью Мельцер уловил новые тенденции в архитектуре, создав одно из самых законченных произведений петербургского модерна.

<sup>1</sup> Существенный вклад в изучение каменноостровских особняков внесла В. А. Витязева. Интересующие нас постройки рассматривались также в работах У. Брумфилда, И. Г. Калужинской, Б. М. Кирикова, В. В. Кириллова и др.

<sup>2</sup> РГИА. Ф. 556. Оп. 1. Д. 507.

<sup>3</sup> *Hausen M., Mikkola K., Amberg A-L., Valto T. Eliel Saarinen. Projects 1896—1923. Helsinki, 1990. S. 16.*

<sup>4</sup> П. М-ов. Финляндское декоративное искусство // Зодчий. 1903. № 14. С. 185

<sup>5</sup> Ежегодник Общества архитекторов-художников. 1909. Вып. 4. С. 97-99.

<sup>6</sup> *Витязева В. А. Невские острова: Елагин, Крестовский, Каменный. Л., 1991. С. 192.*

<sup>7</sup> П. М-ов. Указ. соч. С. 185.

О. А. КРИВДИНА

### ДАТСКИЙ СКУЛЬПТОР И.-А. ИЕРИХАУ (1816—1883) И ЕГО РАБОТЫ В СОБРАНИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО РУССКОГО МУЗЕЯ

Скульптурные произведения И.-А. Иерихау в Государственном Русском музее представлены пятью барельефами, отлитыми из гипса. Их художественное достоинство достаточно высоко, а отсутствие информации требуют серьезной проработки и обращения к изучению биографических материалов о скульпторе. В музей эти барельефы поступили в 1931 г. из Академии художеств под названиями: «Дети с козой», «Женщины с козленком», «Кора», «Три грации», «Юный Вакх». Происхождение названий, закрепленных в каталоге скульптуры ГРМ, изданном в 1988 г.<sup>1</sup>, основывалось на данных каталога русской скульпту-

ры Музея Академии художеств, составленного С. К. Исаковым в 1915 г.<sup>2</sup> Исаков рельефы не датировал, в каталоге ГРМ указывается примерное время создания — 1850-е гг. Только на одном барельефе «Кора» имеется подпись «Adolfo Jerichau». В музее Академии оставался шестой рельеф, указанный С. К. Исаковым под названием «Процессия», где были представлены пять женских фигур, одна из которых держала в руке меч, другая — цветы. Однако эта композиция не сохранилась. Показателен факт, что произведения датского скульптора в музее Академии художеств оказались в разделе русской скульптуры и в дальнейшем были переданы в Русский музей. На примере сравнения датской и русской скульптурных школ мы видим своеобразную общность развития и формирования академических художественных систем середины XIX в.

Иенс-Адольф Иерихау родился 17 апреля 1816 г. в городе Ассене (Assen) в Нидерландах. Он никогда не был в России, вся его творческая деятельность протекала в Дании и Италии. Имя Иерихау известно в России лишь узкому кругу специалистов, хотя этот скульптор уже при жизни был признан выдающимся преемником Торвальдсена. Специальной литературы о Иерихау на русском языке не публиковалось, упоминания о нем имеются в пятом томе Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона<sup>3</sup>, и в некрологе, напечатанном во «Всемирной иллюстрации» за 13 августа 1883 г.<sup>4</sup> Обращаясь к биографии скульптора, изданной в 1925 г. И. Булем (I. Buhl) в XVIII томе словаря художников (Künstler-Lexikon) Thieme-Becker<sup>5</sup>, укажем приведенный там факт создания Иерихау цикла работ, посвященных изображению людей и животных. В их числе указывается «Игра с козой» 1845 г., которая может быть соотнесена с рельефом «Дети с козой» из ГРМ. В композиции этого рельефа представлена не просто жанровая сцена. Принимая во внимание то, что Иерихау постоянно обращался в своем творчестве к мифологическим темам, здесь им использован сюжет «Воспитание младенца Юпитера». Как известно из античного мифа Юпитер был рожден на острове Крит, где был спрятан своей матерью Реей от отца Кроноса. Он вскармливался молоком козы Амалфеи. Чтобы заглушить плач младенца, жрецы Реи — Курсты играли на флейтах. Изображенный в рельефе на голове юноши фригийский колпак является атрибутом пастуха. Другой барельеф, представляющий двух идущих женщин с козой, может быть отнесен к тому же циклу, посвященному «Воспитанию младенца Юпитера». Рядом с Реей идет нимфа Амалфея с покрытой головой и поднесенной к лицу рукой в знак молчания, около ее ног — коза.

Первоначальное художественное образование Иерихау получил в городе Оденсе, на острове Фюн. В Копенгагенской Академии художеств он начинал свои занятия с живописи. В 1833 и 1834 гг. за написанные картины им были получены две серебряные медали. Однако неудовлетворенный своими успехами в живописи, он начал заниматься искусством пластики. В Академии художеств в 1836 и 1837 гг. Иерихау являлся учеником скульптора Х. Е. Фройнда (H. E. Freunds). На выставке 1838 г. он показал свои работы «Амур», эскиз надгробного монумента и группу «Вера, Любовь, Надежда», за которые надеялся получить медаль и премию на конкурсе в Академии художеств. Его ожи-

дания не оправдались, профессора Академии отнеслись к работам достаточно критично. С оскорбленным чувством собственного достоинства Иерихау оставляет Копенгагенскую Академию, становясь оппозиционно настроенным художником.

В 1838 г. на средства одного из покровителей он отправился в Рим и приступил к работе в мастерской Торвальдсена, где старательно изучал античные произведения. В первые годы пребывания в Италии Иерихау оказался под сильным влиянием Торвальдсена, о чем свидетельствуют, по словам критика И. Буля<sup>6</sup>, многочисленные рисунки и эскизы тех лет. Созданная уже на родине, в Копенгагене, в 1842 г. композиция «Свадьба Александра Македонского и Роксаны» была подобна известному торвальдсеновскому фризу, посвященному Александру Великому. Эта работа была выполнена Иерихау по заказу Христиана XVIII для Христианбурга (не сохранилась, сгорела в 1884 г.). Мраморная статуя «Пенелопа» была заказана скульптору в 1843 г. доктором Авендротом из Гамбурга. В образе Пенелопы он вдохновенно воспел женскую красоту, а современники и художественные критики видели в ней сходство с женскими фигурами танагрских статуэток, что усиливалось при сравнении проработки складок одежды. В этой работе проявилось и совершенство технической обработки мрамора, усвоенное за время пребывания в Италии. Созданные в 1840-е гг. многочисленные подготовительные рисунки — картоны были реализованы скульптором уже в пластической форме спустя длительное время, в 1870—1880-х гг. Например, рельеф «Одиссей и Навзикая» (идея 1840 г., исполнение 1878 г.), «Орфей» (замысел 1841 г., создание — 1875 г.), «Гектор и Аякс» (наброски 1840 г., выполнение — 1880 год), а так же ряд других фигур и композиций.

Группа «Геркулес и Геба», гипсовая модель которой была завершена в Риме в 1845 г., сразу же прославила Иерихау в Италии, и эта весть быстро достигла Дании. Тогда же статуя была заказана скульптору Христианом XVIII для Христианбурга. Одно из наиболее известных произведений, неоднократно повторявшееся Иерихау, — «Охотник, терзаемый пантерой» было создано в 1846 г. Высеченная из мрамора в 1848 г. по заказу князя В. Голицына эта композиция была отправлена в Петербург. Другой экземпляр исполнен им для барона Гамбро и увезен в Лондон, где на выставке 1851 г. Иерихау был награжден большой золотой медалью. В эти же годы скульптор создал надгробный памятник на могиле внучки И.-В. Гете — Альмы, изображенной в виде лежащей девочки с венком цветов в руке. Гипсовая модель выполнена в 1846 г., мраморная статуя, высеченная в 1854—1855 гг., находится в Национальном музее Гете в Веймаре.

В 1846 г. в Риме Иерихау женился на Анне-Марии-Елизабет Бауман (1819—1881)<sup>7</sup>. Лето 1846 г. супруги провели в Дании, где Елизавета Бауман написала два живописных портрета мужа<sup>8</sup>. Она занималась живописью в Дюссельдорфе под руководством Штильке и К. Зона. В Копенгагене скульптор посетил Академию художеств, где на условиях создания им группы «Адам и Ева», предложили принять его в члены Академии. Осенью 1846 г. он вернулся в Рим и приступил к выполнению заказанной ему скульптурной группы. Количество заказов увеличивалось, и Иерихау начал помогать Гаральд Кон-

радсен (Harald Conradsen). В том же году скульптор закончил работу над статуей «Ангел Мира», которая была установлена в Риме на кладбище Св. Марии дела Пьета (Kirchhof S. Maria della Pietà) на могиле матери короля Фридриха VII.

Одновременно он получил официальный заказ на создание статуи «Давид» для Фрауэнкирхе (Frauenkirche) в Копенгагене, которая была отлита из бронзы в 1861 г. по гипсовой модели 1852—1858 гг. В этот период Иерихау сделал многочисленные рисунки на темы из Нового Завета. Для церкви города Ассен, в котором он родился, создал статую «Ангела Веры» и для церкви в Сторехединге (Storchedinge) — 4 медальона с изображениями евангелистов. Как отмечала художественная критика, Иерихау было наиболее близко церковное искусство. В 1849 г. за статую «Адам и Ева» скульптор был удостоен звания профессора Копенгагенской Академии художеств. В 1854 г. он признан членом Стокгольмской Академии, в 1866 г. избран членом Французской Академии. В 1879 г. Иерихау стал почетным доктором. За статую «Купающаяся девочка» на Венской выставке 1873 г. скульптор получил золотую медаль. Наиболее известной монументальной работой Иерихау является бронзовая статуя естествоиспытателя Х. К. Эрстеда (H. C. Ørsted) в Копенгагене, в парке, носящем его имя. Модель статуи была выполнена в 1858 г., установка памятника осуществлена в 1876 г. Важным направлением творческой деятельности Иерихау был портретный жанр. Известны его портреты Г. Х. Андерсена (1852), Фридриха VII (1856), Христиана IX (1863), отличающиеся убедительным сходством.

Последние годы жизни Иерихау провел в своем небольшом владении в местности Neder Draaby bei Frederikssund, где скончался 24 июля 1883 г.<sup>9</sup> Сын Иерихау — Гаральд был художником, занимавшимся пейзажной живописью, он умер в 1878 г. Незадолго до смерти скульптор подарил датскому государству собрание гипсовых моделей своих работ. Некрологи о скульпторе были напечатаны в датских, бельгийских, французских и русских художественных журналах, что свидетельствовало о его европейской известности.

Изучение биографии Иерихау дало возможность установить, что хранящиеся в Русском музее гипсовые рельефы, были созданы в расцвете творческой деятельности талантливого датского скульптора, и являются характерными образцами его пластического стиля.

<sup>1</sup> Скульптура XVIII—XX века: Каталог. Государственный Русский музей. Л., 1988. С. 71. № 447-451.

<sup>2</sup> Исаков С. К. Русская скульптура. Императорская Академия художеств. Музей. Пг., 1915. С. 60—61. № 1483-1488. Ряд работ скульптора находится в музее Торвальдсена, Копенгаген.

<sup>3</sup> Энциклопедический словарь Брокгауз и Ефрон. Биографии. Т. 5. М., 1944. С. 384—385.

<sup>4</sup> Всемирная иллюстрация. 1883. 13 августа. № 762. Т. XXX. № 8. С. 126.

<sup>5</sup> Thieme-Becker. Künstler-Lexikon. XVIII. Leipzig, 1925. S. 527.

<sup>6</sup> Thieme-Becker. Künstler-Lexikon. XVIII. Leipzig, 1925. S. 527.

<sup>7</sup> Во «Всемирной иллюстрации» (1883, 13 августа. № 762. Т. XXX. № 8. С. 126.) указано, что «Г-жа Елизавета Иерарху, урожденная Бауман, родилась в Варшаве в 1825 г.».

## ХАРАКТЕРНЫЕ ЭТАПЫ В ИЗЛОЖЕНИИ СОБЫТИЙ СОВЕТСКО-ФИНЛЯНДСКОЙ ВОЙНЫ 1939—1940 ГОДОВ ЛЕНИНГРАДСКОЙ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТЬЮ

Советско-финляндская война охватывает по времени небольшой период — с 30 ноября 1939 г. по 13 марта 1940 г. Однако в истории Советской России это была одна из тяжелых, кровопролитных войн. Так, людские потери со стороны Советского Союза составили 126.875 человек, со стороны Финляндии 48.243 человека<sup>1</sup>.

До недавнего времени в отечественной историографии крайне мало уделялось внимания теме советско-финляндских отношений и войне 1939—1940 гг. Цель данного исследования заключается в попытке рассмотреть в качестве исторического источника ленинградскую периодическую печать того времени. Как известно, Ленинград был тогда прифронтовым городом. Война, несомненно, отразилась на его жизни — было введено затемнение, увеличился объем работ по выполнению оборонных заказов и многое другое. Опубликованные на страницах городских газет, «Ленинградской правды» и «Смены», материалы, дают определенное представление о характере советско-финляндских отношений и Зимней войне. В значительной степени они дублируют друг друга, что, в свою очередь, является их характерной особенностью.

Газета «Ленинградская правда», как орган Ленинградского обкома и горкома партии, областного и городского Совета депутатов трудящихся, выходила 6 раз в неделю. Поскольку ее содержание касалось не только городских и областных дел, но и вопросов всесоюзного значения, было бы уместно рассматривать публикации не только периода советско-финляндской войны, но и предшествующего периода, начиная с конца октября 1939 г., когда с определенной периодичностью начинают появляться публикации, касающиеся советско-финляндских отношений. Эта тема теряет свою актуальность не сразу с окончанием войны, а лишь в конце марта. Таким образом за период с 21 октября 1939 г. по 30 марта 1940 г. мной было изучено около 130 номеров газеты.

Газета «Смена», как орган Ленинградского областного и городского комитетов ВЛКСМ, выходила 5 раз в неделю и тоже затрагивала вопросы общесоюзного значения. Всего было рассмотрено почти 120 номеров за период с 5 октября 1939 г. по 14 марта 1940 г.

Антифинляндскую кампанию, которая велась на страницах этих газет, в зависимости от тона и характера можно разбить на 7 этапов.

Первый этап: с начала по конец октября 1939 г. На публикациях «Ленинградской правды» и «Смены» можно легко проследить, как обостряются отношения между двумя соседними странами в период Московских переговоров, которые проходили в октябре-ноябре 1939 г. Причем видно, что негативное отношение к Финляндии появляется после второго периода переговоров (23—24 октября), когда стало ясно, что они зашли в тупик<sup>2</sup>. Однако на первом этапе

антифинляндской кампании действия финского правительства не подвергались критике со стороны советской прессы.

Второй этап: с публикации доклада В. М. Молотова 1 ноября 1939 г. до середины ноября 1939 г., когда завершился третий период Московских переговоров. Перелом в негативную сторону произошел после публикации доклада по внешней политике В. М. Молотова, сделанного 31 октября на внеочередной 5-й сессии Верховного Совета I-го созыва<sup>3</sup>. Одновременно с тем, что в докладе была высказана надежда на мирное урегулирование отношений, в советской прессе начинают печататься материалы, целью которых было показать, что стремления советского правительства к мирному решению проблемы не находят поддержки в самой Финляндии<sup>4</sup>. По сравнению с первым этапом, на втором этапе антифинляндской кампании в прессе меняется сам тон публикаций. Впервые на страницах газет дается оценка деятельности финского правительства. Уже на протяжении 3-го решающего этапа Московских переговоров советская пресса единодушно оценивала действия правительства Финляндии, как негативные.

Третий этап: с середины ноября 1939 г. до сообщения о выстрелах близ д. Майнила. После неудавшихся Московских переговоров в советской прессе наблюдается всплеск публикаций, говорящих о напряженной обстановке внутри Финляндии, что подразумевало ее приготовления к предстоящей войне. На этом этапе можно выделить три темы, на которые в советской печати было обращено пристальное внимание. Во-первых, особый акцент делался на то, что именно «правлящие круги Финляндии провоцируют войну с СССР»<sup>5</sup>. При этом политика Финляндии была представлена как направленная на разжигание войны еще до начала переговоров в Москве<sup>6</sup>. Во-вторых, сообщалось о том, что в Финляндии развернулась широкая антисоветская кампания. В-третьих, особенно подчеркивалось тяжелое положение рабочих и простого народа Финляндии<sup>7</sup>. Говорилось о «росте недовольства финляндского народа политикой своего правительства»<sup>8</sup>. По сути дела, уже в начале третьей декады ноября завуалировано начали звучать призывы к освобождению народа Финляндии «от гнета капиталистов и помещиков». Однако открытых призывов к военным действиям пока не было.

Четвертый этап: с сообщения о выстрелах близ д. Майнила до публикации договора, заключенного между Народным правительством Финляндской Демократической Республики и СССР. В советской печати выстрелы близ д. Майнила были однозначно оценены как провокационный обстрел советских войск с финляндской стороны. Появляются призывы к боевым действиям против Финляндии<sup>9</sup>. Важность этого небольшого этапа значительна, поскольку было подготовлено общественное мнение к войне.

Пятый этап: с публикации договора о взаимопомощи и дружбе (2 декабря) до публикации отчета Штаба ЛВО за трехнедельный срок боевых действий (23 декабря 1939 г.). С этого момента действиям Вооруженных Сил СССР придавался миссионерский характер<sup>10</sup>. Данный этап был переломным, т. к. надежды на быстротечность войны не оправдались. Незначительные успехи

на фронте и неподдержка в самой Финляндии так называемого народного правительства не позволяли в советской печати говорить о каких-либо значительных победах Советского Союза в политическом и военном плане.

Шестой этап: с конца декабря 1939 г. до второй декады февраля 1940 г. Наблюдается явное снижение интереса к боевым действиям на советско-финляндском фронте. Так как значительных военных успехов не наблюдалось, меняется направленность газетных публикаций. Если на определенном промежутке предыдущего этапа акцент делался на описание боевых действий, то здесь речь шла в большей степени о жизни города и области на фоне войны. Уровень антифинляндской кампании по сравнению с предыдущими двумя этапами резко падает.

Седьмой этап: с середины февраля 1940 г., когда советские войска прорвали линию Маннергейма, до публикации доклада В. М. Молотова (30 марта 1940 г.), где был подведен итог войны. Увеличивается количество заметок с фронта, в которых сообщается об успехах Красной Армии. Оперативные сводки Штаба ЛВО становятся более объемными. Сам же итог войны в советской прессе был однозначен — «новая победа сталинской политики мира»<sup>11</sup>. На этом этапе антифинляндская кампания резко усилилась.

Ленинградская периодическая печать дает широкое представление о жизни города и области на фоне советско-финляндской войны. Со страниц газет можно узнать, как меняется отношение к Финляндии во время Московских переговоров 1939 г. и в течение самой «зимней войны». Периодическая печать дает наглядное представление о развитии советско-финляндских отношений и о ходе довольно широкой антифинляндской кампании, включавшей в себя несколько рассмотренных этапов. В определенные моменты эта кампания усиливалась, потом ослаблялась и затем снова усиливалась. Такая линия развития в пропаганде была в первую очередь обусловлена меняющейся ситуацией на советско-финляндском фронте, зависела прежде всего от успехов советской армии.

<sup>1</sup> Гриф секретности снят: Потери Вооруженных сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах: Статистическое исследование. М., 1993. С. 121.

<sup>2</sup> Барышников В. Н. От прохладного мира к зимней войне: Восточная политика в Финляндии в 1930-е годы. СПб., 1997. С. 248.

<sup>3</sup> Смена. 1939. 1 ноября.

<sup>4</sup> См., например: Ленинградская правда. 1939. 29 октября и 1 ноября; Смена. 1939. 2 и 3 ноября.

<sup>5</sup> Смена. 1939. 20 ноября.

<sup>6</sup> Там же.

<sup>7</sup> Смена. 1939. 26 ноября.

<sup>8</sup> Смена. 1939. 24 ноября.

<sup>9</sup> Ленинградская правда. 1939. 29 ноября.

<sup>10</sup> Смена. 1939. 28 ноября.

<sup>11</sup> Ленинградская правда. 1940. 16 марта.

## ШВЕДСКИЕ ЗОЛОТЫХ И СЕРЕБРЯНЫХ ДЕЛ МАСТЕРА ПРИ РУССКОМ ДВОРЕ

Одним из атрибутов столицы Российской империи был институт придворных ювелиров, призванный не столько украшать венценосных особ, сколько утверждать их царственное величие блеском золота и драгоценных камней. Именно поэтому, Петр не забывает приглашать в новую столицу наряду с архитекторами, строителями, знатоками военного и морского дела, ювелиров, золотых и серебряных дел мастеров. К сожалению, из глубин петровских времен до нас дошли скудные сведения о них. Небольшая группа пленных шведов и несколько мастеров, привезенных из Москвы, — вот, пожалуй, весь круг златосеребрянников того времени. Однако в 1714 г. образуется иностранный цех мастеров золотых и серебряных дел. По ревизским сказкам 1747 г. и 1763 г. в Петербурге к середине XVIII в. насчитывалось 102 иноземных мастера и 35 русских.

Главный хранитель Галереи драгоценностей Императорского Эрмитажа барон А. Е. Фелькерзам опубликовал свыше 700 имен мастеров, работавших в Петербурге в период с 1714 г. по 1814 г. и состоявших, главным образом, в иностранном цехе<sup>1</sup>. Среди них преобладают выходцы из Германии и немецкоговорящих стран — Прибалтики, Польши. Немногочисленны группы французов, англичан, голландцев, швейцарцев, чуть больше датчан. И, наконец, весьма значительное место в ювелирном мире Петербурга, как в количественном отношении, так и в смысле их творческого потенциала, занимали шведы. В «Алфавите золотых и серебряных дел мастеров» А. Е. Фелькерзама насчитывается не менее ста двадцати пяти мастеров, чье шведское происхождение точно установлено. Некоторые материалы дают и «Санкт-Петербургские ведомости» того времени, сообщаящие об отъездах, продаже пожитков или объявляющие о без вести пропавших, как, например, это случилось с ювелиром Эриком Гакстедом в 1778 г.

Таким образом удалось установить еще девятнадцать имен шведских мастеров и подмастерьев золотого и серебряного дела. Кстати, Фелькерзам не указывает подмастерьев, материалы по которым, как он писал, имелись у него в архиве. В результате по самым приблизительным подсчетам колония ювелиров и серебрянников, выходцев из северных стран — Швеции, Финляндии, Норвегии, Дании и Голландии, насчитывала в середине и второй половине XVIII в. около 200 человек.

Среди них была группа высокопрофессиональных мастеров, которые нередко привлекались к выполнению заказов Императорского двора. Это Ионас Бергштрем, который в 1767 г. наряду с другими мастерами заканчивал работы, начатые умершим Экартом. В 1760—1770 гг. для двора работал Эрик Лидман, Бертольдус Кристиан Шлеппер. Много дворцовых заказов выполняли Карл Фредерик Бреденберг и его тезка Бьеркман. Последний неоднократно помогал также придворному серебрянику И. Ф. Блому. В 1777 г.

упомянутый выше Эрик Гакстед сделал по поручению Придворной конторы большую «передачу» весом 29 фунтов 56 золотников. Речь, видимо, идет о лохани-холодильнике. В 1790-е гг. много работ для двора выполнял и Иоганн Христиан Прагст. Упоминаются в основном те, чьи имена встречались на страницах документов Придворной конторы, занимавшейся императорскими заказами.

Помимо них, в Петербурге было немало крупных мастеров, игравших значительную роль в своих кругах, в частности, в цехе, имевших учеников и бывших настолько зажиточными, что владели собственными домами. Это были Карл Густав Нейман, Карл Иоханн Элерс. Но чаще всего мастера снимали жилье у своих соотечественников или у более богатых ювелиров, как, например, Н. Холмштед и И. И. Сиверс, жившие на Б. Морской на фабрике придворного золотых дел мастера швейцарца Адора, или И. Сваненстром, снимавший помещение у серебряника Гакстеда на Б. Мещанской. Некоторые мастера жили на Шведском кирочном дворе, т. е. во дворе шведской кирки на Малой Конюшенной. Среди них довольно известный мастер Петер Солитандер, имевший с 1787 по 1798 г. семь учеников, а также Ларс Броман, Генрих Линдстрем, Андреас Винберг. Но в данном случае нас больше интересуют мастера, работавшие для двора, потому что именно они определяли художественную политику в ювелирном искусстве, и то немногое, что сохранилось, попадало в кладовые Зимнего дворца, и дошло до наших дней.

В середине века одним из крупных серебряников, работавших при дворе, был Карл Густав Пальм, приехавший из Ревеля, но по всей видимости, шведского происхождения. В 1754—1759 гг. он числился зильбердинером Высочайшего двора, то есть мастером, который обязан был выполнять всю текущую работу — чистку, починку, золочение, изготовление дополнительных предметов к уже имеющимся сервизам, а также исполнение новых сервизов из казенного или своего серебра. Так, например, Пальм доделал ряд блюд, тарелок, шандалов, подносов, столовых приборов к Английскому сервизу, привезенному в 1726 г. для Екатерины I, и который, как видим, в середине века все еще находился в употреблении.

В 1762 г. Придворная контора заключает контракт на двадцать лет с Иоганном Фридрихом Кеппингом и он становится придворным зильбердинером. Можно сказать, что вся екатерининская эпоха в серебряном деле — это эпоха Кеппинга. Он был одним из лучших петербургских мастеров XVIII столетия. Количество золотых и серебряных изделий, вышедших из его мастерской, неизмеримо велико. Еще в начале XX в. многие предметы его работы хранились во дворцовых кладовых.

Отец Кеппинга — Клаус Якоб переселился в Санкт-Петербург из Швеции в 1718 г. и принадлежал к первым мастерам иностранного цеха. В 1724—1725 гг. он был помощником старосты цеха, а в 1728 г. — цеховым старостой. В 1741 г. еще числился в цехе. Его сын Карл Густав учился у него с 1729 г. по 1736 г., а другой сын — Иоганн Фридрих — с 1734 г. по 1740 г., после чего работал подмастерьем у отца. В 1748 г. 9 июня Иоганн Фридрих был принят в мастера

иностранного цеха. Некоторые авторы отмечают, что уже с 1750 г. он выполнял заказы для императорского двора. Жил Кеппинг на Литейной стороне, в приходе церкви Сергия Чудотворца. Будучи достаточно состоятельным, он имел собственный дом, сдавал комнаты другим мастерам, с 1750 г. по 1779 г. держал учеников. «Санкт-Петербургские ведомости» неоднократно упоминают придворного серебряных дел мастера Кеппинга в связи с его отъездами. Однажды появилось любопытное объявление о том, что «придворный зильбердинер продает 30 яблонь во дворе своего дома».

Первой крупной работой Кеппинга было срочное исполнение тринадцати серебряных сервизов из двадцати одного, заказанных Екатериной II для своих приближенных, способствовавших вступлению ее на трон. Ее императорского величества гофмаршал действительный камергер князь Н. М. Голицын 8 июля 1763 г. заключил контракт с Кеппингом «в том, что обязуется он, Кепинг, по приказанию оного г-на гофмаршала сделать нижеписанный серебряный сервиз, состоящий в нижеписанных штуках... и тое работу должен он, Кепинг, исправить в самом немедленном времени и самой чистой и лучшей работой, ...беззадержно, а за ту его работу получит он, Кепинг по три рубля 50 коп. за каждый фунт, и при том... ему Кепингу объявлено..., что на вышеписанном основании потребно еще несколько числом сервизов... и ни в чем казенному серебру траты и времени упущения чинено не будет, чего ради приставлен будет для лучшего надсматривания гвардии караул, состоящий в одном унтер-офицере и трех солдат...»<sup>2</sup>.

Таким образом, Кеппинг выполнил сервизы, предназначавшиеся князьям Голицыну, Бярятинскому, графу Панину, камер-юнкерам Баскакову, Бибинову, Обухову, Всеволожскому, графам Орловым и другим. Все сервизы должны были быть весом не более трех пудов и «состоять из 126 штук», кроме одного — втрое больше других (для братьев Орловых). Надо отметить, что они были более, чем скромные, так как заказывавшиеся впоследствии наместнические сервизы насчитывали 1000—1300 предметов и весили свыше сорока пудов. Даже небольшой сервиз «для повседневного на стол Ея Императорского Величества употребления» включал чуть более пятисот предметов и весил около тридцати пудов. Он был выполнен Кеппингом к марту 1772 г. В 1774—1775 гг. Кеппинг по приказу Придворной конторы исполнил большой сервиз Преосвященному Гавриилу архиепископу Санкт-Петербургскому<sup>3</sup>.

Возобновив реформы провинциального управления, начатые Петром I, Екатерина II издала в 1775 г. закон, согласно которому Россия была поделена на 11 губерний. К 1796 г. было образовано 40 губерний. Тогда же императрица постановила снабдить губернаторов (или наместников) серебряными сервизами с тем, чтобы они могли представительствовать с соответствующим их положению достоинством. Главное же, при предполагаемых путешествиях императрицы не надо было бы посылать сервизы для ее приема из Петербурга. В 1770—1780 гг. в Лондоне, Париже и Аугсбурге самым известным ювелирам было заказано, по крайней мере, 16 наместнических сервизов. Кроме того, на сегодняшний день известно, что пять сервизов были сделаны в Петербурге,

три из которых выполнил Кеппинг — 1-й Санкт-Петербургский, Митавский и Владимирский. В архивных документах Придворной конторы упоминается неизвестный ранее сервиз и для генерал-губернатора Финляндии. Его исполнял Иоганн Генрих Блом — еще один крупный мастер-швед, работавший при дворе<sup>1</sup>.

Иоганн Генрих Блом был принят в иностранный цех 21 января 1766 г. Фелькерзам указывает, что он сразу начал работать для двора. Однако, согласно документам, наиболее активно в 1780-е гг. и был так завален заказами, что едва успевал заканчивать их к назначенному сроку. Очень часто Блом изготавливал один и тот же сервиз совместно с Кеппингом, как это следует из дела, датированного 1781 г. и озаглавленного: «О записке по должности сервизной сделанного серебряных дел мастерами Кеппингом и Бломом для путешествия Их Императорских Высочеств из казенного серебра и золота походного сервиза в приход, а употребленное на оной серебра и золота в расход и о выдаче мастерам денег»<sup>2</sup>. Тогда же они исполнили вместе другой сервиз, названный «Второй походный». В 1780—1781 гг. Блом делает золоченые чайные сервизы для великого князя Константина Павловича и для цесаревича и великого князя Павла Петровича.

В 1797 г. он еще принимал заказы, а умер, вероятно, в 1798 г. Также как и Кеппинг Блом был одним из лучших петербургских мастеров. Многие его работы до XX в. находились в составе дворцового серебра.

Не менее значительным мастером-ювелиром при дворе Екатерины II был Иоахим Хассельгрэн, записавшийся в иностранный цех 25 июня 1766 г. В 1787 г. он был выбран старостой цеха и, работая в этой должности, упорядочил всю документацию цеха, оставил ценный материал по его истории. С 1768 г. он стал постоянно работать по заказам Придворной конторы. Судя по сохранившимся изделиям Хассельгрэн был талантливым ювелиром. Его работы по золоту отличаются изяществом, превосходной чеканкой и точностью рисунка.

В изделиях шведских мастеров утонченность и изысканность стиля Людовика XVI проявились в большей мере, нежели у их немецких собратьев. Шведы были тесно связаны со своей родиной, где французский стиль активно культивировался королевским двором, причем, в его классическом варианте, что было так привлекательно для Екатерины II.

<sup>1</sup> Фелькерзам А. Е. бар. Алфавитный указатель С.-Петербургских золотых и серебряных дел мастеров, ювелиров и проч. 1714—1814 гг. Приложение к журналу Старые годы. С.-Петербург. 1907.

<sup>2</sup> РГИА. Ф. 469. Оп. 9. Д. 676.

<sup>3</sup> РГИА. Ф. 469. Оп. 9. Д. 892.

<sup>4</sup> РГИА. Ф. 468. Оп. 1. Д. 3897.

<sup>5</sup> РГИА. Ф. 468. Оп. 1. Д. 1093.

**СЕМЕНОВЫ-ТЯНЬ-ШАНСКИЕ И ФИНЛЯНДИЯ.  
ПО МАТЕРИАЛАМ АРХИВА  
В. П. СЕМЕНОВА-ТЯНЬ-ШАНСКОГО**

В Бахметьевском архиве Колумбийского университета в Нью-Йорке хранится коллекция документов личного архива Валерия Петровича Семенова-Тянь-Шанского (1871—1966), сына знаменитого русского ученого и государственного деятеля Петра Петровича Семенова-Тянь-Шанского<sup>1</sup>.

В начале 1919 г. В. П. Семенов-Тянь-Шанский эмигрировал из России и поселился с семьей в Финляндии, сначала в Выборге, затем с 1929 г. в Хельсинки. Один из ярких представителей российской эмиграции в Финляндии, он долгое время работал секретарем Русской колонии, с 1929 по 1939 гг. был представителем Российского исторического архива в Праге, сотрудничал с различными эмигрантскими организациями. В материалах архива интересны его заметки о Петербурге конца XIX — начала XX в., воспоминания о семье, периоде эмиграции, литературные и искусствоведческие работы.

Племянник Ф. М. Достоевского, один из друзей семьи Семеновых-Тянь-Шанских А. А. Достоевский писал, что в доме Тянь-Шанских в Санкт-Петербурге на 8 линии Васильевского острова 39 было около двадцати комнат. Этот дом постоянно посещался представителями художественного и ученого мира, а к концу XIX в. приобрел «особый стиль настоящей живой просвещенности»<sup>2</sup>.

Семья Тянь-Шанских известна наследственной предрасположенностью к занятиям искусством. Из рода Бланков — предков Павла Петровича по материнской линии, многие становились архитекторами, имели склонность к живописи. Сестра Петра Петровича, Наталья Грот (жена известного филолога, академика Я. К. Грота) в молодости с успехом занималась портретной живописью. Сам Петр Петрович живописью не занимался, но был страстным коллекционером-любителем. С 1861 г. он начал коллекционировать картины западноевропейских художников XVI и XVII вв. В 1874 г. Петр Петрович был избран почетным членом Академии Художеств — это укрепило его связи с миром искусства, и привлекло его к активному участию в деятельности Академии.

Один из самых известных сотрудников Эрмитажа, историк его картинной галереи, В. Ф. Левинсон-Лессинг писал: «Приобретенное Эрмитажем собрание Семенова-Тянь-Шанского, собиравшееся в течение пятидесяти лет, составлялось его владельцем по программе систематического дополнения к эрмитажному собранию. Коллекция Семенова, широко доступная для всех, интересующихся историей голландской живописи, состав которой давно вошел во все основные справочники и словари, и которая была тщательно описана в большом каталоге, изданном в 1906 г., была настоящим памятником подлинно культурного собирательства, одушевленного чисто научными, исследовательскими стремлениями. Создано оно было на скромные средства, в результате

долгих, многолетних поисков, главным образом благодаря чрезвычайным познаниям и глубокому опыту этого замечательного человека...»<sup>3</sup> Для того, чтобы приобрести это собрание, купленное Эрмитажем за вдвойне меньшую цену, чем предлагали владельцу иностранные фирмы, Шмидту пришлось проделать огромную работу по сводке цен, достигнутых картинами соответствующих мастеров на международном рынке, чтобы убедить Министерство двора в обоснованности производимой им затраты. Собрание Семенова, оставленное в пожизненное распоряжение владельца, было перевезено в Эрмитаж в 1915 г., причем лучшая его часть была показана на специально устроенной временной выставке, к которой был издан, на частные средства, хорошо иллюстрированный каталог. Оно было включено в состав галереи только после революции. Значение этого собрания, включавшего свыше семисот картин, заключалось в наличии в нем произведений целого ряда не представленных в Эрмитаже мастеров.

Следуя семейной традиции, Валерий Петрович также увлекался живописью, но ко всему прочему в юности он любил фиксировать в своих записных книжках остроумные вывески и надписи. К примеру, из его записных книжек мы можем узнать, что в Петербурге на здании, принадлежавшем приходскому Благотворительному обществу при соборе Св. Андрея Первозванного на Васильевском острове была вывеска – «Приют для престарелых женщин и детей», что давало повод иронизировать о заботе Общества о «престарелых детях»<sup>4</sup>.

Семья Семеновых-Тянь-Шанских была тесно связана с Финляндией: летний отпуск они нередко проводили именно там, навещая приезжавшего туда каждое лето певца Мариинской оперы И. А. Мельникова. В ходе поездок в Финляндию глава семейства Петр Петрович ближе познакомился с творчеством местных художников, что послужило основанием для внесения им в 1894 г. на собрании Академии Художеств предложения об избрании их в число членов Академии. При этом Петр Петрович руководствовался двумя мотивами: во-первых, с его точки зрения финляндские художники должны быть равноправны с русскими, так как их работы не менее талантливо, особенно в изображении суровой северной природы; во-вторых, взаимоотношения России и Финляндии должны покоиться на культурном сотрудничестве народов, которое являлось не менее важным, чем экономическое сотрудничество и, конечно, гораздо важнее административно-политического подчинения княжества. Предложение П. П. Тянь-Шанского было принято и первым членом Академии Художеств стал известный финляндский художник Альберт Эдельфельдт<sup>5</sup>.

Валерий Петрович Семенов-Тянь-Шанский ежегодно проводил летние месяцы на берегу озера Сайма, где имел собственную дачу. Здесь он занимался рыбной ловлей, охотой, плавал по живописной системе озер. Покинув Петроград в 1919 г., в Финляндии он серьезно занялся рисованием. Сначала его увлечение не выходило за рамки семейного круга. После десяти лет занятий Валерий Петрович решил представить некоторые свои работы на суд поклонников живописи, участвуя сначала в общих, а затем, с 1941 г., организуя самостоятельные выставки. Насколько проявился в нем талант художника, решать искусствоведам. Для нас

же важна его многогранная деятельность в Финляндии, в частности, интересен его взгляд на современную ему живопись. К примеру, Валерий Петрович очень высоко отзывался о творчестве известного художника А. Галлен-Каллела. В его картинах он увидел «удивительную проникновенную передачу глубочайшей седины», когда финский народ формировался и рос в гармонии, а иногда и в противоборстве с суровой северной природой<sup>6</sup>. С его точки зрения, А. Галлен-Каллела «с помощью своей художественной фантазии проник в полумифический мир языческих народных преданий и сумел понять их символическое значение. В своем творчестве он «передал в стилизованном виде характер финского народа и влияние финской природы на его развитие»<sup>7</sup>.

Работ финских авангардистов в живописи В. П. Семенов-Тянь-Шанский не одобрял, полагая, что в этой области они не создали ничего самобытного, пытаясь следовать моде, но в итоге получалось лишь слабое подражание уже известным образцам, поскольку новые веяния в искусстве проникали в Финляндию с заметным опозданием, когда они уже сходились с художественной сцены в других странах<sup>8</sup>.

Наряду с живописью, В. П. Семенов-Тянь-Шанский проявлял большой интерес к вопросам филологии и лингвистики. В 1930-е гг. он активно сотрудничал в литературном обществе «Светлица», изучал финский народный эпос «Калевала». В этот период он подготовил рукопись об известном финском собирателе фольклора Элиасе Леннроте<sup>9</sup>.

В. П. Семенов-Тянь-Шанский был также обеспокоен опасностью искажения русского языка введением различных неологизмов и нетипичных для него аббревиатур. По этому вопросу он подготовил специальный доклад и выступил с ним в 1931 г. на заседании Академического объединения российских эмигрантов в Финляндии. Он обвинил большевиков в том, что они «изуродовали русский язык до неузнаваемости, применяя нелепейшие сокращения и ...выражения, способные вызвать смех сквозь слезы»: заведующий питательным пунктом в новом варианте русского языка звучал как «запипун», его помощник — «пом-запипун», Московский округ путей сообщения — «мопс» и т. д.<sup>10</sup>.

В конце 1940-х гг. при Министерстве иностранных дел Финляндии было принято решение об издании ежедневного осведомительного листка «Обзор финляндской печати» на русском, французском и английском языках для рассылки его дипломатическим представителям иностранных государств, аккредитованным в Хельсинки. Возглавлял эту работу доктор Арвид Энкель (брат известного в Финляндии государственного деятеля и дипломата Карла Энкеля), который пригласил в качестве переводчика обзоров на русский язык В. П. Семенова-Тянь-Шанского. Ему в этот время уже исполнилось 75 лет<sup>11</sup>.

Эмигрировав из России, В. П. Семенов-Тянь-Шанский связал свою судьбу с Финляндией. Для реализации различных замыслов, финский период был достаточно плодотворным, но творчество оказалось оторванным от национальных корней. Он жил проникнутыми ностальгией воспоминаниями о старой дореволюционной России, о космополитичном и бесконечно родном его сердцу Петербурге. Новую Россию, Ленинград он не признавал и не понимал.

<sup>1</sup> Бахметьевский архив Колумбийского университета США (Bachmeteff Archive. Semenov-Tian-Shanskii V.P. Box 1-6.). Назван по имени Бориса Александровича Бахметьева — посла Временного правительства в Америке, затем профессора Колумбийского университета. Это одно из богатейших собраний документов по истории и культуре России в XX в., в том числе и эмигрантской. Описание архива см.: Russia in the Twentieth Century. The Catalogue of the Bachmeteff Archive of Russian and East European History and Culture. The Rare Books and Manuscripts Library, Columbia University, Boston. 1987; *Бонгард-Левин Г. М.* Архивы США и Европы // Скифский роман. Под общей редакцией академика РАН Г. М. Бонгард-Левина. М., 1997. С. 39.

<sup>2</sup> Box 4. *Семенов-Тянь-Шанский В. П.* Стезя в искусстве. Л. 7.

<sup>3</sup> *Левинсон-Лессинг В. Ф.* История картинной галереи Эрмитажа (1764—1917). Л., 1985. С. 235

<sup>4</sup> Бахметьевский архив. Box 4. Записная книжка В.П. Семенова-Тянь-Шанского.

<sup>5</sup> Там же. *Семенов-Тянь-Шанский В. П.* Стезя в искусстве. Л. 7.

<sup>6</sup> Там же. Л. 58.

<sup>7</sup> Там же.

<sup>8</sup> Там же. Л. 59.

<sup>9</sup> *Семенов-Тянь-Шанский В. П.* Доктор Элиас Ленрот и финский народный эпос. Рукопись.

<sup>10</sup> Box 6. Доклад Семенова-Тянь-Шанского В. П. от 28.10.1931 в Академическом объединении.

<sup>11</sup> Box 4. *Семенов-Тянь-Шанский В. П.* Страницы семейной хроники.

Е. П. ПЕРОВСКИЙ

## СОЗДАНИЕ МОРСКИХ ПОДСТУПОВ К ПЕТЕРБУРГУ В ВОЙНАХ

Санкт-Петербург приближается к своему 300-летию. Из этих 300 лет первые семь для родившегося в разгар Северной войны города были воистину фронтовыми. И с моря, и с суши доносились до градостроителей залпы русских и шведских пушек. И только когда армии и флоту удалось, наконец, взять Выборг, бывший военной и военно-морской базой Швеции в Восточной Балтике, Санкт-Петербург смог стать столицей и, как это положено столице, иметь свои дальние подступы.

Еще до закладки города Восточная Балтика и приневские земли (Ингерманландия) издавна имели огромное стратегическое значение для русских. После походов здесь господствовали Новгород и его союзная Карела. После же объединения шведских королевств в единое государство на Балтийском море к середине XII в. появился их северо-западный противник — шведы, а в Прибалтике в начале XIII в. датчане (1200 г.), за ними немцы.

На этом театре все воинские пути проходили известным маршрутом «из варяг в греки» и не приходится удивляться, что впервые отмеченная летописцем

морская победа над шведами в 1142 г. была одержана именно на этом пути. Нападение 60 шведских шнеков на 3 «идущих из-за моря» ладьи закончилось для атакующих печально: новгородцы потопили 3 шнека со 150 шведами и благополучно вернулись домой<sup>1</sup>. Благодаря современным исследованиям, удалось найти место схватки. Она произошла в районе полуострова Ханко, то есть у самого входа в Финский залив<sup>2</sup>.

Но победа трех ладей не могла остановить наступление объединившейся Швеции на восток. Всего 22 года потребовалось на то, чтобы шведские шнекеры прошли вдоль всего залива от Ханко до Невы и Ладоги. В 1164 г. их флотилия в 55 судов высадила десант в устье Волхова и осадила Ладужскую крепость. С подходом войск новгородцев десант был разгромлен и лишь 12 шнеков смогли уйти от плена. В 1188 г. был совершен ответный поход в Швецию, закончившийся взятием и сожжением шведской столицы Сигтуны.

Развернем карту и станет ясно, что Ханко является стратегическим центром борьбы на морском театре военных действий в Восточной Балтике. С Ханко начались дальние морские подступы как к шведской столице Сигтуне, а затем к Стокгольму, так и к Новгородским Ладоге и Орешку, а затем к Петербургу. Этот полуостров будет героическим форпостом Северной столицы России в 1714, 1733—1734, 1788—1790, 1854—1855, 1914—1918 и 1941 гг.

Если полуостров Ханко (шведск. Ганге-удд, русск. Гангут) стал для нас северным и западным форпостом, то балтийский юго-западный форпост нужно было искать в Лифляндии в районе Риги. Петр прибыл на берега Невы не только с армией и флотом, но и со стройной доктриной обороны этих берегов. Он выполнял заветы отца, который в 1656 г. «восвал Ригу», а его восводы наступали на Балтику широким фронтом: А. Л. Ордин-Нащекин строил в Кокенгаузене флот для морской осады Риги, а П. И. Потемкин в июне того же 1656 г. взял Канцы (Ниеншанс); уничтожив эту крепость, он вышел на стругах в море, взяв в морском бою шведский военный корабль («полукарабель»), и высадился на острове Котлин.

Таким образом, «тишайший царь Алексей Михайлович умел воевать и выходил на Балтику широким фронтом от «Риги, которой уделил главное внимание» до Невы. Помешала война с Польшей.

Так же широко шагал и сын. Неудача с Нарвой сузила фронт прибалтийских направлений Петра. Его замысел создать в устье Невы не только главный порт России, но и ее столицу, не мог осуществиться без создания оборонной доктрины С.-Петербурга. В нее должна была войти система обороны дальних сухопутных и морских подступов, способных остановить неприятеля до мобилизации на отпор необходимых сил и, наконец, разгром врага с использованием удобных для этого баз и опорных пунктов для флота и войск.

После сражения под Нарвой Карл XII отправился покорять Польшу, оставив в Карелии и Прибалтике заслон из войск во главе с испытанными генералами, а в поддержку им флот, базировавшийся на Выборг. Но, Петр, прибыв в Псков, приказал войскам генерала Б. П. Шереметьева атаковать находившийся в районе Дерпта шведский корпус Шлиппенбаха, что и было сделано у

Эрестфера 29 декабря 1702 г. В результате — первая победа! Летом следующего года были разбиты на Чудском и Ладожском озерах обе эскадры командующего королевским флотом вице-адмирала Гедеона фон Нумерса, да еще солдатами на небольших гребных судах (соймах и карбасах): 31 мая, 15 июня, 10 июля и 27 августа. Всего было захвачено 4 и сожжено в абордажных схватках 2 шведских судна. Нумерс с оставшимися судами ушел в Выборг, оставив озерные фланги своих войск оголенными. В довершение этих неприятностей была у вице-адмирала еще одна. 7 мая 1703 г. 30 островных лодок под командой Петра I и Меньшикова захватили на взморье отправленные им в разведку шняву и галиот. Между тем произведенный в генерал-фельдмаршалы Б. П. Шереметьев взял Мариенбург. В сентябре русские войска перешли в наступление и 11 ноября штурмом взяли Нотебург, а весной 1703 г. овладели всем побережьем Невы и вышли к Финскому заливу. Для обороны устья реки и дальнейшего утверждения России на Балтике была заложена крепость Петра и Павла, положившая начало С.-Петербургу.

Чтобы обеспечить безопасность будущей столицы, русские в 1704—1705 гг. взяли Дерпт, Ям, Ивангород, Нарву. К началу 1705 г. была занята южная часть Карелии, Ингрии, часть Эстонии и Лифляндии. Взятые там крепости могли теперь охранять западные сухопутные и южные подступы к будущей столице России. Но морские подступы могли пока защищаться только одной крепостью-фортом Кроншлот («коронный замок»).

Петр как в воду смотрел, когда давал коменданту Кроншлота знаменитую инструкцию: «Содержать сию цитадель... аще, что случится до последнего человека»<sup>3</sup>. А случилось все всерьез и надолго. 12 июля шведская эскадра вице-адмирала Депру, пытаясь высадить десант на Котлин, вела двухдневную бомбардировку форта, а в следующую же кампанию атака противника Кроншлота вылилась в грандиозное котлинское сражение, длившееся с небольшими перерывами на починку вышедших временно из боя неприятельских фрегатов и кораблей с 4 по 14 июня 1705 г. Это сражение характерно не только упорством сторон и участием в нем кораблей и судов различных классов, но и использованием русскими комбинированных средств борьбы, которые были предшественниками позиционных оборонительных действий Балтийского флота в XIX—XX вв.

Подготовка противника к этому нападению началась еще ранней весной в Выборге. Командовать флотом стал вместо Депру полный адмирал Анкарштерна. В эскадре прибавилась целая бригада линкоров. Удар готовили одновременно и с моря, и с суши. Но защитники С.-Петербурга предвидели удар. Город был защищен кольцом крепостей, и на помощь Кроншлоту была предоставлена эскадра фрегатов и шняв. Командующий гарнизоном города обер-комендант Петропавловской крепости Роман Брюс стал подчиняться руководителю всей обороны командующему флотом вице-адмиралу Корнелию Крюйсу. Он, довольный итогом сражения, писал: «...Мне случалось своими очами видеть, как щипы от бомбардирских их (шведских) судов вверх летели»<sup>4</sup>.

Значимость ближних морских подступов к молодому С.-Петербургу была особенно явной, пока он был фронтовым городом, то есть до овладения армией

и флотом Выборгом в 1710 г. В дальнейшем боевые действия перешли на дальние морские и сухопутные подступы. Их рубежи проходили уже по таким базам и крепостям, как прибалтийские Метава, Рига, Ревель и финские Борго, Гельсингфорс, Або, Тверминне (Гангут) и другие.

Таковыми же в XIX—XX вв. были подступы к Петербургу-Петрограду-Ленинграду. Весьма упорно разгорелась борьба на балтийском морском театре военных действий во время Восточной (Крымской) войны, когда в кампаниях 1854 и 1855 гг. героически встретили английский флот гарнизоны военно-морских баз и городов Ганге, Экенеса, Свеаборга, Выборга, Бомарзунда и особенно посрамил неприятеля Кронштадт, встретивший врага не только фортами да ряжами, но и гальваноударными минами, подорвавшими пароходы-фрегаты противника.

Морские подступы к столице были в Первую мировую войну оборудованы минно-артиллерийскими позициями. Их опыт был в более сложных и измененных условиях использован советскими моряками, значительно восстановившими подобные позиции в 1941 г. и героически защищавшими их в Либаве, Моонзунде, Таллине и на полуострове Ханко. Наступление немецкой группы армий «Север» на Ленинград было задержано и потому, что ее снабжение приходилось вести не столько морем, сколько железнодорожным путем через партизанские районы Белоруссии.

Войны проходят, но театры войн и проходящих на них военных действий или учений остаются и в мирное время. На страже России и Петербурга остаются и оберегающие их морские и сухопутные подступы. Сегодня Россия неимоверно широким жестом раздала многие завоевания Петра Великого, и исторические подступы к нашему городу сузились, как шагреновая кожа. В ежегодно проходящих учениях НАТО на Балтике вынуждены участвовать один или два корабля под некогда прославленным андреевским флагом.

<sup>1</sup> Первая новгородская летопись старшего и младшего изводов. М.—Л., 1950. С. 26.

<sup>2</sup> Перовский Е. П. Неудача ярла Иона // Санкт-Петербург. Культура, искусство, история, сохранение наследия. № 1 (7). 1994. С. 6.

<sup>3</sup> Веселаго Ф. Очерк русской морской истории. СПб., 1875. Ч. 1. С. 161.

<sup>4</sup> Раздолгин А. А., Скорилов Ю. А. Кронштадтская крепость. Л., 1988. С. 1.

А. В. РЕПНЕВСКИЙ

## НОРВЕЖСКИЙ ДИПЛОМАТ ФРЕДЕРИК ПРЮТЦ В РЕВОЛЮЦИОННОМ ПЕТРОГРАДЕ 1918 ГОДА

В первой половине 1918 г. правительства иностранных держав, не признавшие Советскую власть, поручили защиту неотложных интересов своих государств, а также личных и имущественных прав их граждан норвежской Миссии в Москве и Петрограде<sup>1</sup>. Представители этой нейтральной страны, также не признали большевиков. Хотя они и опасались репрессий, но почти в полном составе

остались и действовали в обеих русских столицах до конца 1918 г. Им пришлось взять на себя неблагодарную роль посредника в огне непримиримой классовой борьбы. Лучшего кандидата для такой работы, чем Норвегия, найти было невозможно. За разрешением ряда проблем к норвежским дипломатам постоянно обращались англичане, французы, американцы, даже сербы.

В архивных материалах Народного комиссариата по иностранным делам (НКИД) за 1918 г. встречаются ноты в основном за подписью атташе Томаса Кристенсена и поверенного в делах Фредерика Прютца. То они запрашивают о законности конфискации домов сербского подворья (август 1918 г.)<sup>2</sup>, то беспокоятся о судьбе американского гражданина Пенна, арестованного, по их сведениям, в городе Котельничи (осень 1918 г.)<sup>3</sup>. Наибольший политический резонанс получила переписка ноября 1918 — января 1919 гг. по известному делу американца Каламатиано. Однако самым массовым и типичным документом эпохи оказались запросы посольства Христиании в НКИД за разрешениями на выезд из страны для иностранцев и русских.

Одним из наиболее активных деятелей дипломатического корпуса Норвегии в революционной России являлся капитан Прютц Антон Фредерик Винтер Якхельн (Ptytz A.F.W.J.). По сведениям норвежского статскалендаря за 1918 и 1919 гг. он числился вице-консулом в Архангельске. На самом деле в это время он находился в Петрограде, а иногда выезжал по делам в Москву.

Дипломатическая активность капитана Прютца напрямую объяснялась интересами его персонального бизнеса, сосредоточенного на Севере России. В 1913 г., проживая в Архангельске, он на паях образовал товарищество «Прютц и К°» по лесопереработке и экспорту лесных богатств Онежского края<sup>4</sup>.

В качестве посредника-нейтрала Ф.Прютц осенью 1918 г. был одним из инициаторов освобождения из под ареста в Перми сербской королевны, княгини Елены Петровны. Особую опасность представляло то, что она была членом дома Романовых — супругой расстрелянного ранее князя Ивана Константиновича<sup>5</sup>. После июньско-июльской серии казней членов семьи Романовых в Екатеринбурге, Аланатьевске, Перми норвежские дипломаты встревожились, что расправы могут быть распространены и на более отдаленных родственников российского императорского рода. Норвежцы приложили максимум усилий, чтобы эвакуировать принцессу Елену к родным в Норвегию.

Начиная с 17 октября в папках Департамента Иностранных Дел Норвегии, в личном архиве посланника Ф.Прютца и документации НКИД сохранились десятки докладных и запросов по этой теме. В первом из таких рапортов в Христианию Прютц сообщал, что принцесса Елена «в течение долгого времени находится под арестом в Перми» и, что, если ранее большевики не желали её освободить, то в связи с успешной операцией по обмену Локкарта на Литвинова, обстановка изменилась к лучшему. Посланник считал, что большевики «стремятся в последние дни показать свою добрую волю». Он использовал выгодную ситуацию и, «пока Литвинов со спутниками находился в Христиании, ходатайствовал» перед советским правительством «о разрешении принцессе Елене переправиться в Петроград», надеясь в дальнейшем помочь ей

вообще покинуть Россию. В конце послания Прютц с радостью констатировал, что его «замысел» удался и центральные советские власти подготовили все необходимые документы и выдали разрешение для безопасного переезда принцессы.

Также Прютц информировал Департамент о направлении им в Пермь добровольца: «молодого норвежца герра Альфа Толлера..., чтобы утрясти с местными властями вопрос об их внимательном отношении к освобождению и отъезду принцессы»<sup>6</sup>. Секретарь консульства Толлер с необходимыми средствами на проезд выехал из Петрограда в воскресенье 20 октября. Но затем от него долгое время не поступало известий.

Наконец, 1 ноября долгожданная телеграмма из Перми от Толлера была получена Прютцем. Но её содержание не радовало. Оказалось, что местные власти не получили из столицы приказ об освобождении своей высокородной узницы и потому отпустить её не могли. В Москве же норвежцев убеждали, что отправили необходимый документ еще за 14 дней до этого. Пришлось Прютцу обращаться в НКВД с просьбой о дублировании соответствующего распоряжения и преодолении бюрократических проволочек. В результате к середине ноября принцессу Елену удалось выволить из Перми<sup>7</sup>.

Норвежцы осуществляли не только «спасательные» операции. Так согласно рапорту от 21 октября у него состоялся разговор с «шефом канцелярии» НКВД Львом Михайловичем Караханом<sup>8</sup>, который информировал о желании советского правительства сделать все возможное для возобновления товарного обмена с нейтральными странами Скандинавии и особенно с Норвегией. Карахан предлагал без задержек поставить сельскохозяйственное сырье — коноплю и лен, а взамен ожидал получить мануфактуру. Поднимался также вопрос о перспективах экспорта зерна из России в Норвегию. В целом речь шла о желательности подписания нового торгового соглашения<sup>9</sup>. Из докладных Прютца в Департамент Иностранных Дел, где его иногда называли торговым советником, можно судить, что в середине сентября 1918 г. он имел беседы и с торговыми атташе Украины об обмене рафинада на сельдь и бумагу.

Особый авторитет капитан Прютц получил в правительстве и деловых кругах Норвегии как автор развернутого аналитического доклада «Финансовое положение России» от 19 августа 1918 г. и информационной справкой к нему «Русские банки» от 2 сентября. В тот же месяц он направлял в Норвегию из Петрограда конфиденциальные послания о падении курса русской валюты и точно осветил катастрофическое финансовое положение России.

В официальных посланиях Прютца коммерческие вопросы занимали все же не главное место, но в приватной папке его архива за 1918—1920 гг. вопросы бизнеса все же преобладают над прочими. В течение 1918 г. он постоянно связывался с бывшим управляющим писчебумажной фабрикой в Дубровке, которая была расположена недалеко от Петрограда, Торри Кияром. Фабрика до революции являлась собственностью норвежцев и он информировал владельцев о состоянии дел на ней, обсуждал возможности возвращения конфискованного производства<sup>10</sup>. О положении дел с имуществом посланника в Онеге и

Архангельске регулярно докладывал местный консул и одновременно диспoнент товарищества Эйнар Анвик<sup>11</sup>.

В этом отношении личный архив Прютца за период 1917–1920 гг. исключительно интересен. В материалах 1917 мы находим папку, датированную 15 мая. В ней содержится список всех пайщиков АО «Прютц и К°». Общая сумма вкладов которых равнялась 8.000.000 крон. Даже всемирно известный Фритъёф Нансен вложил в онежские и маймаксанские лесозаводы 20.000 крон и владел 20 акциями. Самым крупным вкладчиком был сам капитан Прютц. Он внес в дело 395 тыс. крон<sup>12</sup>. Совокупная же стоимость вкладов, заводской недвижимости, лесных участков и заготовленного леса достигала 40 млн. крон.

После первой мировой войны на Беломорье скопилось до 140 000 стандартов заготовленного леса, принадлежавшего иностранным владельцам. Из них доля норвежских собственников составляла около 30 000 стандартов<sup>13</sup>.

Несмотря на обстоятельства гражданской войны и интервенции Прютц из Петрограда зорко следил за тем, что происходило с контролируемой им кампанией на Онеге. Архивные документы свидетельствуют о том, что он всю войну состоял в переписке с местными директорами и вкладчиками<sup>14</sup>. Так 4 августа 1918 г. диспoнент Э. Анвик направил руководству «The Russian forest Industry Ltd.» доклад «О текущей политической ситуации» в связи со свержением 2 августа «тирании большевиков» в Архангельске<sup>15</sup>. Сразу же были предприняты попытки восстановить торговые обороты кампании. Зондировали на этот счет английских военно-морских офицеров и другие оккупационные власти. Но до конца мореходного сезона ничего осуществить не успели<sup>16</sup>.

Позже, когда имущество все же было национализировано советами в соответствии с декретами от 1 ноября 1918 и 12 января 1919 гг., бывшие владельцы решительно протестовали и сделали ставку на свержение большевистской власти. Вернувшись к началу 1919 г. в Христианию, Ф. Прютц развернул активную деятельность по организации бывших собственников в борьбе за капиталы и недвижимость, национализированные в революционной России. Этим он стал известен и в международном масштабе, координируя частные пртензии к Советам с французами, англичанами, датчанами. С января 1919 г. вместе с Торри Кияром он возглавляет «Центральную контору по защите норвежских интересов в России». 14 января 1919 на собрании членов этой организации Прютц сделал большой доклад о финансовом положении и долгах России и о норвежской собственности на её территории. Он уже тогда считал, что эксплуатировать природные богатства России реальнее всего посредством концессий<sup>17</sup>.

Позже, его, как специалиста по русским долгам и норвежской собственности включили в правительственную делегацию Норвегии из 8 человек на конференцию в Геную 1922 г., где рассматривавшую финансовые и экономические пртензии к России уже на официальном уровне.

Подводя итоги, деятельности этого дипломата в Советской России 1918 г., мы можем без натяжек утверждать, что он был одним из первых серьезных советологов своего времени.

- <sup>1</sup> Документы внешней политики СССР / Под ред. А. А. Громыко. М., 1957, Т. 1. С. 529.
- <sup>2</sup> Архив внешней политики РФ. (Далее АВП РФ.) Ф. 116. Оп. 1. Д. 1. Л. 4.
- <sup>3</sup> Там же. Л. 5.
- <sup>4</sup> Государственный архив Архангельской области. (Далее ГАДО.) Ф. 50, Оп. 1. Д. 1412. См. также: *Шобер Ф. А* Фабрично-заводские предприятия Российской империи. Петроград. 1914.
- <sup>5</sup> Князья: Иван, Константин и Игорь — сыновья Великого князя Константина Константиновича, были расстреляны 18 июля 1918 г. (через сутки после казни семьи Николая II) в лесу у города Алапатыевска, где с весны пребывали в заточении. См.: *Жульяр. П.* Император Николай II и его семья. Вена, 1921. С. 276—277.
- <sup>6</sup> Riksarkivet (далее RA). Privatarkivet (далее PA). Frederik Pritz. Del. II. Frederik Prytz. Rapporter 1918 (Politiske). Dok. fra 17 oktober 1918.
- <sup>7</sup> RA. PA. Frederik Pritz. Del. II. Frederik Prytz Rapporter 1918 (Politiske). Dok. fra 16 november 1918.
- <sup>8</sup> Л. М. Карахан с 1918 года член коллегии НКВД и зам. Наркома по организации и налаживанию работы комиссариата. (См. о нем: Деятели СССР и революционного движения в России // Энциклопедический словарь Гранат. М. 1989. С. 182—183).
- <sup>9</sup> RA. PA. Frederik Pritz. Del. II. Norges Legation i Russland. Rapporter 1918 (Politiske). Dok. fra 22 og 26 oktober.
- <sup>10</sup> RA. PA. Frederik Pritz. Del. II. Frederik Prytz. Privat 1918 fra Petrograd. 1919—20 fra Kristiania. Dok. fra 22 august 1918.
- <sup>11</sup> RA. PA. Frederik Pritz. Del. II. Frederik Prytz. Privat 1918 fra Petrograd. 1919—20 fra Kristiania. Dok. fra 14 juli 1918.
- <sup>12</sup> RA. PA. Frederik Pritz Del. II. Russisk Skogindustri A/S.
- <sup>13</sup> De norske koncessioner i Nord-Rusland // Nordmaend Jorden Rundt. 1923. 10 januar.
- <sup>14</sup> RA. PA. Frederik Pritz. Del. II. Forretningskorrespondance. Russian Forest Industry-1918. Dok. 4 august 1918.
- <sup>15</sup> Там же.
- <sup>16</sup> RA. PA. Frederik Pritz. Del. II. Forretningskorrespondance. Russian Forest Industry. 1918. Dok. 23 august 1918 & dok. 21 september 1918.
- <sup>17</sup> RA. PA. Frederik Pritz. Del. II. Handelsavtalen mellom Norge og Russland. Dok. fra 14 januar 1919.

Л. А. САДОВА

## О РУССКО-НОРВЕЖСКИХ ОТНОШЕНИЯХ ВО ВРЕМЯ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (по данным дипломатических донесений)

Первая мировая война явилась серьезным испытанием как для воюющих держав, так и для нейтральных. Географическое положение Норвегии, его стратегическая важность обусловили заинтересованность великих держав в распространении и усилении своего влияния на норвежское государство. Нельзя не сказать, что в 1905 г., в момент образования нового независимого норвежского

государства, главными гарантами его целостности выступили Англия, Франция и Россия. В дальнейшем, в первую мировую войну, подобная поддержка дала им возможность оказывать давление на Норвегию. С другой стороны, Германия также пыталась воздействовать на норвежское государство. Подобная ситуация достаточно ярко раскрывается в донесениях российских представителей в Норвегии в Петроград.

С началом первой мировой войны Норвегия, объявившая 4 августа 1914 г. о своем нейтралитете, продолжала поддерживать значительные экономические связи с государствами обеих противостоящих друг другу группировок. Такая ее позиция была удобна и для воюющих держав, приобретавших с ее помощью необходимые материалы<sup>1</sup>. Данная ситуация достаточно ярко как раз и отражена в поступивших из Норвегии и ряда скандинавских стран в Петроград донесениях российских дипломатов: представителя в Норвегии С. В. Арсеньева, помощника военно-морского агента Норвегии, лейтенанта Веймарна, а также военного агента в Швеции, Норвегии и Дании, полковника Кандаурова.

За 1914—1915 г. товарооборот Норвегии с воевавшими странами вырос, причем преобладать стал импорт из Англии и экспорт (и реэкспорт) в Германию. «Германские агенты закупают в Швеции и Норвегии, — доносил С. В. Арсеньев, — не только алюминий, но и готовые алюминиевые предметы»<sup>2</sup>, а также рыбу и руду.

Очевидно, что интересы союзников требовали прекращения снабжения Германии из Скандинавских стран, чтобы не нарушалось кольцо британской блокады, поэтому основное дипломатическое давление на норвежцев оказывала Англия. Но и другие страны принимали меры по ограничению данной торговли. Так, в июне 1915 г., по сообщению С. В. Арсеньева: «итальянское правительство объявило норвежскому правительству, узнав о вывозе сицилийской серы из Норвегии в Германию, что если это не прекратится, оно запретит вывоз в Норвегию серы, а также оливкового масла, необходимого для рыбных консервов»<sup>3</sup>. Российские дипломаты отметили негативное отношение к подобным действиям норвежского правительства. При этом подчеркивалось, что выражался к тому же протест Скандинавских стран. В 1915 г. посланники Швеции, Норвегии и Дании заявили в Лондоне и Париже протест в связи с английской декларацией, согласно которой «товары германского происхождения следует конфисковывать на судах под всеми флагами»<sup>4</sup>. Но подобные протесты, как сообщалось в Петроград, игнорировались английским правительством, которое было убеждено, «что Норвегия боится, как бы Англия в любой момент не нанесла бы смертельного удара норвежскому судоходству, запретив вывоз угля из Англии в Норвегию»<sup>5</sup>.

Действия Англии, направленные против позиции Норвегии, ущемляли интересы России. Последовало ее обращение в Лондон с просьбой о желательности более мягкого отношения к скандинавскому нейтралитету.

Русское правительство воспринимало Норвегию как страну, которая «по своему политическому характеру» являлась «более желательным поставщиком изделий, чем другие государства»<sup>6</sup>. В свою очередь, Норвегия также была заин-

тересована в развитии русско-норвежских торговых связей, о чем писал в своих донесениях российский посланник: «Норвегия должна получить огромные выгоды в связи с открытием дороги... <имелась в виду Мурманская железная дорога.— Л. С.>. Так как русский торговый флот в настоящий момент недостаточен, то ясно, что прежде всего, норвежцы воспользуются выгодой положения»<sup>7</sup>.

Этими соображениями можно объяснить тот факт, что в отличие от Швеции, через которую также шла транзитная торговля России с Антантой, Норвегия не чинила на этом пути больших препятствий. Примером может служить сообщение посланника с Норвегии С. В. Арсеньева: «...шведы делают нам всяческие затруднения в отношении вывоза и транзита... Лишь узнают, что Россия в том-то нуждается немедленно объявляют запрещение о вывозе. В то же время немцам всячески помогают»<sup>8</sup>.

Тем не менее, война на море и в особенности угроза немецких подводных лодок русским заполярно-океанским коммуникациям, а также многочисленные случаи подрыва судов на минах вызвали некоторые осложнения в русско-норвежских отношениях. Все настойчивей становятся запросы норвежского посланника о судьбе пароходов. В частности, по сообщению С. В. Арсеньева, норвежцы выдвинули следующие требования: «Первое — осведомлять норвежского консула для сообщения капитанам о пунктах обнаружения подлодок, второе — дать норвежским пароходам более северный и безопасный маршрут, третье — обеспечить норвежцам ту же охрану, что и англичанам...»<sup>9</sup>. В результате становятся частыми случаи задержки норвежских пароходов с русскими грузами в портах северной Норвегии. Помощник военно-морского агента Норвегии, лейтенант Веймарн упоминает о задержанных в Варде девяти норвежских пароходах<sup>10</sup>.

Возросшая угроза северному морскому пути заставила Россию опасаться создания германских операционных баз в Норвегии. Подобные построения были вызваны распространившимся слухом «будто на острове Сандо близ Гаммерфеста замечены подозрительные огни»<sup>11</sup>. Россия потребовала от норвежского правительства тщательной проверки указанных территорий. В ответ, согласно сообщению С. В. Арсеньева: «Норвежский министр иностранных дел дал... самое категоричное заявление, что норвежское правительство не допустит, чтобы Германия пользовалась норвежской территорией как базой для враждебных замыслов против России»<sup>12</sup>.

Наиболее активное выступление российской дипломатии касательно Норвегии относится к 1916 г. Оно было вызвано опасениями шведского участия в войне на стороне Германии. По сообщению российского посланника в Норвегии министру иностранных дел Сазонову «отношения между Англией и Швецией за последнее время обострились: уже началась между этими странами война экономическая»<sup>13</sup>. Обстановка подогревалась и немецкой проагандой. В результате, в Швеции активно муссировались слухи о вступлении в войну на стороне Германии, дабы избавиться от английского давления.

Посланник С. В. Арсеньев так отразил в своем донесении настроения норвежского общества в связи с обострением англо-шведских отношений, «громад-

ное большинство народа искренне желает... не быть втянутыми в мировую войну и остаться нейтральными. Симпатии широких кругов норвежского народа на стороне Англии...»<sup>14</sup>. Но в российском министерстве иностранных дел активно обсуждалась идея об использовании Норвегии в качестве противовеса Швеции, если последняя вступит в войну. 14 ноября 1916 г. военный агент в Швеции, Норвегии и Дании полковник Кандауров писал о необходимости для России подтолкнуть Норвегию к войне с Германией, а, следовательно, со Швецией. Присоединение последней к Германии предоставило бы немецкому правительству новые средства для операций против России<sup>15</sup>. Тем не менее, этот план не был осуществлен, так как Швеция не вступила в войну.

С лета 1916 г. усилилась угроза со стороны германских подлодок для норвежских межсоюзнических коммуникаций. Осенью 1916 г. в течение пяти дней было потоплено десять шедших в Россию и из России судов, причем все норвежские. Нормальная патрульная охрана со стороны военных кораблей союзников отсутствовала<sup>16</sup>. В донесении российского консульства в Христиании говорилось: «Норвежцы не скрывают от себя того факта, что подводная война направлена к уничтожению их торгового флота и высказывают пожелание, чтобы их порты были закрыты для всех немецких судов»<sup>17</sup>. В результате, Норвегия вынуждена была издать 13 октября 1916 г. постановление, запрещающее подводным лодкам воюющих сторон находиться в территориальных водах Норвегии, за исключением плохой погоды или аварии.

Когда, в начале 1917 года Германия объявила неограниченную подводную войну и блокаду берегов Англии, Франции и Италии, то, как сообщал российский представитель в Норвегии, английское правительство постановило задержать все (кроме американских) нейтральные суда и просило принять тождественную меру в России. Тогда норвежское пароходное движение почти полностью остановилось, торговля между Англией и Норвегией стала вестись лишь под британским конвоем и в основном на британских судах<sup>18</sup>.

Внешняя же политика России после Февральской революции в отношении Норвегии ознаменовалась постепенным затуханием активности. Главной тенденцией в торговле становится постепенное увеличение норвежского экспорта в Россию и снижение российского импорта в Норвегию.

В целом, Первая мировая война явилась резким ускорителем экономического развития страны. При этом, английское правительство использовало зависимость Норвегии от поставок продовольствия и топливного сырья для оказания давления на нейтральное государство, что можно проследить в донесениях русских дипломатов за 1914—1917 г. В результате, к концу 1917 г. почти всей норвежской торговлей руководила Великобритания, обеспечив контроль над норвежской торговлей.

В донесениях русских представителей в Скандинавии прослеживается процесс падения влияния России на норвежское государство. В 1914—1915 г. русско-норвежские отношения благополучно развивались, что было обусловлено взаимной заинтересованностью правительств обеих стран. Возникшие осложнения связаны с тем, что российские военно-морские власти не приняли

должных мер для охраны северного морского пути и отражения немецкой агрессии. Наиболее активное выступление российской дипломатии относится к 1916 г. и было связано с возможным участием Швеции в войне на стороне Германии.

Несомненно донесения русских дипломатов позволяют представить панораму борьбы великих держав за влияние на нейтральные страны Скандинавского полуострова.

<sup>1</sup> *Нотович Ф. И.* Дипломатическая борьба в годы Первой Мировой войны. Т. 1. М., 1947. С. 154.

<sup>2</sup> РГАВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 3026. Л. 13.

<sup>3</sup> Там же. Д. 3946. Л. 14.

<sup>4</sup> Там же. Л. 3.

<sup>5</sup> Там же. Л. 3.

<sup>6</sup> Там же. Д. 3126. Л. 108—110.

<sup>7</sup> Там же.

<sup>8</sup> Там же. Д. 3028. Л. 64.

<sup>9</sup> Там же. Д. 3947. Л. 17.

<sup>10</sup> Там же. Д. 3948. Л. 4.

<sup>11</sup> Там же. Л. 35.

<sup>12</sup> Там же. Д. 3946. Л. 17.

<sup>13</sup> *Международные отношения в эпоху империализма*, сер. 3, т. X, 1938, № 88.

<sup>14</sup> Там же.

<sup>15</sup> РГАВМФ. Ф. 716. Оп. 1. Д. 71. Л. 3, 3 об., 4.

<sup>16</sup> Там же. Ф. 418. Оп. 1. Д. 3946. Л. 98.

<sup>17</sup> Там же. Д. 3947. Л. 40.

<sup>18</sup> *Larsen K.* A history of Norway. Princeton, 1948. P. 510.

Л. В. СУВОРОВА

## ФИНСКИЕ АКАДЕМИСТЫ

Присоединение Финляндии к Российской империи открыло во многих отношениях новый период в культурной жизни страны. Однако даже после отделения от Швеции в 1809 г. контакты с Королевской академией живописи и скульптуры в Стокгольме долгое время сохранялись<sup>1</sup>. Что касается художественного образования в самой Финляндии, то официально рисование стало преподаваться здесь с 1708 г.; в университете Гельсингфорса в 1830 г. был назначен мастером рисования Пер Крускопф, родившийся и учившийся в Петербурге. Его сменил Магнус фон Вригт, учившийся в Стокгольме и ставший в 1830-х гг. первым преподавателем рисования Гельсингфорса, хотя в программу этих учебных заведений рисование было включено лишь в 1840-х гг.<sup>2</sup>

В августе 1826 г. президент Императорской Академии художеств А. Оленин получил циркуляр Департамента народного просвещения по случаю указа Сената «О порядке сношений с Финляндией»: упразднялась Комиссия финляндских дел и вводился Статс-секретариат, т. к. «ему должны быть ближе известны все местные обстоятельства»<sup>3</sup>. Статс-секретарем в Петербурге стал граф А. Армфельт, член организованного в Финляндии в 1846 г. Художественного общества; по его предложению высоким покровителем Общества был определен годовалый сын будущего императора Александра II Великий князь Александр Александрович. От его имени была приобретена в 1851 г. коллекция картин барона Клинковстрема, которая положила начало галерее живописи. В течение многих десятилетий императорский двор помогал Обществу, передавая в дар и денежные средства, и художественные произведения. В 1848 г. в Гельсингфорсе, а следом и в Або начала работать школа рисования при Художественном обществе. Первым ее преподавателем стал Берндт Гуденъелм (1799—1881), который с 1827 г. как русский подданный учился и работал в Петербурге. Однако средств на организацию преподавания искусства на уровне Академии художеств не доставало, и совершенствовались мастерство за границей.

Около двадцати финнов оказались связаны с Дюссельдорфской академией художеств, в основном, это были будущие пейзажисты и мастера бытовой живописи<sup>4</sup>. К середине XIX столетия дюссельдорфская Академия была одним из ведущих художественно-образовательных центров Европы, хранившим ценный педагогический опыт академической школы, приблизив его к жизни и требованиям современного искусства. Прочная школа мастерства, закладываемого в классах Академии, освящалась религиозными устоями ее основателей, назарейцев. Эти качества способствовали превращению дюссельдорфской Академии в интернациональный центр искусства, в 1850-х гг. здесь учились норвежцы, шведы, финны, американцы и представители других государств<sup>5</sup>.

Финляндия нуждалась не только в подготовке умелых мастеров, прошедших академическую школу. В процессе становления собственной культуры особую важность приобретал вопрос утверждения и развития складывающихся принципов молодого национального искусства. Циркуляр, полученный А. Олениным, свидетельствует о том, что русские государственные власти исходили из того, что проблемы развития национальной самобытности и культуры являются внутренними для финского народа. Среди тех, кто особенно содействовал национально-культурной самостоятельности Финляндии в первой половине и середине XIX в. были граф Н. Румянцев и князь А. Горчаков<sup>6</sup>.

Обращение финской творческой молодежи к Дюссельдорфской Академии не было случайным. Что касается Петербургской Академии художеств, то официальных связей как таковых с ней не было. Ее эстетические принципы и придворный дух были чужды непритязательным финским условиям: «с самого начала, — отмечает финский историк искусства А. Рейтала, — взоры обращались на Запад, к получасным оттуда более реалистическим импульсам»<sup>7</sup>.

Однако дальнейшие потребности развития художественного образования в Финляндском Княжестве не могли оставаться вне поля зрения метрополии.

Юбилейный справочник С. Кондакова («Императорская Санкт-Петербургская Академия художеств. 1764—1914») включил в «Список русских художников» многочисленные имена финнов, получавших как звания художников, так и ставших академиками или почетными вольными общниками, что влекло за собой признание профессиональных заслуг и открывало возможности творческого роста.

Документы, хранящиеся в Российском государственном историческом архиве, связанные с Петербургской Академией художеств, открывают различные формы общения учебного заведения с финскими мастерами на протяжении второй половины столетия. Это и заказы на портреты и пейзажи, организация выставок и продажа картин для продолжения образования за границей; празднование юбилея Финского Художественного Общества, награждения медалями и орденами, участие финнов в коронационных торжествах, учеба академистов и разрешения на преподавание в той же Дюссельдорфской Академии.

В 1846 г. получила звание некласного художника Мина Гебгардт, акварелистка, портретистка; в 1849 г. стал свободным художником по части скульптуры Адам Эрикссон, в течение 35 лет работавший в Петербурге над лепными украшениями Зимнего и других дворцов, театров столицы. В 1859 г. было дано звание некласного художника Вернеру Холмбергу (1830—1860)<sup>8</sup>, который первым из финнов в 1853 г. отправился в Дюссельдорф. В 1860 г. он был избран членом Петербургской Академии и получил приглашение на должность профессора в Веймаре. В 1865 г. получила аттестат свободного художника в области пейзажной живописи Виктория Оберг, одна из первых учениц рисовальной школы Художественного Общества. В 1872 г. дирекция Общества представила Правлению участников будущей конкурсной академической выставки, состоявшейся в марте (десятого марта отмечался день рождения покровителя), и Совет Академии присудил медали и звания Карлу Шестранду, скульптору, а также живописцам Оскару Клейне, Берндту Линдхольму, Ялмару Мунстеръелму и Торстену Венербергу<sup>9</sup>. Талантливый Карл Янссон (1846—1874) получил звание академика в 1873 г. за картину «Сватовство на Аландах» (1871, Атенеум), в этом же году стал академиком живописи Адольф фон Беккер за три жанровые произведения, отмеченные Советом «на экзамене по годичной академической выставке» еще и золотой медалью «за экспрессию»<sup>10</sup>. Звание академика в 1874 г. получил Я. Мунстеръелм, пейзажист, и Вальтер Рунеберг, за скульптуру «Спящий Амур». Почетным вольным общником был в 1878 году избран 23-летний Альберт Эдельфельт (1854—1905), а спустя три года за картину «Похороны ребенка» (1879, Атенеум) он избирается академиком. С 1895 года художник становится действительным членом Петербургской Академии художеств, получив высочайший заказ на исполнение портрета будущего императора Николая II, а затем и приглашение вице-президента Академии графа И. И. Толстого участвовать в числе двенадцати русских художников на торжествах коронации<sup>11</sup>.

Перечисленные художники в большинстве своем — «дюссельдорфцы». Посредником французских влияний в живописи Финляндии стал А. фон Бек-

кер. Во Франции во второй половине XIX в. появились частные школы-студии — «академии», называвшиеся именами своих руководителей. В Париже — Академия Жюлиана (1860) или Школа изящных искусств под руководством Ж. Жерома и другие. Академия как таковая готовила профессиональных художников по специальной академической программе, включавшей специальные задания для учащихся под руководством профессоров.

Учениками Петербургской Императорской Академии художеств (их принято называть «академистами») среди финских художников можно считать О. Клейне, учившегося у А. П. Боголюбова в 1870—1874 гг.; Э. Ярнефельта — у М. К. Клодта с 1883 по 1886; Ю. Риссанена — у И. Е. Репина в 1897—1898 гг. и Герду Рунеберг, ставшую ученицей по скульптуре в 1911 г. (1911—1913). Однако только Гуго Бакмансон (1860—1953), воспитанник Финляндского кадетского корпуса, а затем офицер Лейб-гвардии Измайловского полка, ученик П. П. Чистякова и П. О. Ковалевского, в ноябре 1899 г. получил диплом классного художника за картину «Провожатый»<sup>12</sup>.

<sup>1</sup> Финская живопись 1750 — 1900 // Каталог выставки. Хельсинки, 1979. С. 10.

<sup>2</sup> Разделенная красота. К 150-летию Финского Художественного Общества. Хельсинки. 1996. С. 9.

<sup>3</sup> РГИА. Ф. 789. Оп. 1. Ч. II. Д. 569. Л. 5.

<sup>4</sup> Düsseldorf och Norden. Helsingfors, 1976. S. 24.

<sup>5</sup> Die Düsseldorfer Malerschule. Düsseldorf, 1979. S. 205.

<sup>6</sup> Похлебкин В. СССР — Финляндия. 260 лет отношений. М., 1975. С. 87.

<sup>7</sup> Рейтала А. Дружба под сенью политики. Введение в историю российско/советских и финских художественных взаимосвязей. Доклад. 1980. С. 3.

<sup>8</sup> РГИА. Ф. 789. Оп. 14. Д. 0-2. Оберг, Виктория.

<sup>9</sup> Там же. Оп. 8. Д. 37. Шестранд Карл.

<sup>10</sup> Там же. Д. 117. А. фон Беккер.

<sup>11</sup> Там же. Оп. 12. Д. 3. Л. 4. А. Эдельфельт.

<sup>12</sup> Государственный Русский музей (ГРМ). Отдел рукописей. Ф. 112. № 330.

Е. А. ТЕРЮКОВА

## К ВОПРОСУ О ВОЗНИКНОВЕНИИ МЕТОДИЗМА В ПЕТЕРБУРГЕ

Различные стороны взаимоотношений Финляндии и России на рубеже XIX—XX вв. не раз освещались в отечественной литературе. Это касалось, главным образом, политических, экономических и культурных связей двух стран. Однако в истории России и Финляндии существовала еще одна, хотя и мало изученная, интересная страница. Она связана с методизмом — протестантской церковью, возникшей в XVIII в. на почве англиканства. По выражению методистских проповедников «Финляндия была дверью, через которую они вошли в Россию»<sup>1</sup>.

Рубеж XIX—XX вв. был отмечен в России всплеском религиозной жизни. Государственная религия в лице православия и пользующиеся покровительством государства инославные конфессии столкнулись с фактом появления множества новых нетрадиционных для нашей страны религиозных течений. В первую очередь это коснулось Петербурга. Вслед за проповедью лорда Редстока в аристократических петербургских салонах в 1874 г., религиозная жизнь столицы пополнилась общинами баптистов, евангельских христиан, адвентистов седьмого дня, пятидесятников, герингутеров и методистов.

Кто же такие методисты и какова их история в Петербурге?

27 мая 1909 г. к Санкт-Петербургскому губернатору обратились жители Санкт-Петербурга, исповедывающие методизм, во главе с финским проповедником Яльмаром Фридриховичем Сальми с просьбой разрешить им учредить свою общину под названием «Первая методистская епископская церковь в Санкт-Петербурге». В своем прошении они объяснили, что деятельность общины выражается в устройстве собраний, на которых читаются и толкуются библейские тексты, поются псалмы, а присутствующие призываются к покаянию. Церковь признает духовных наставников (как и другие протестантские исповедания методизм снимал догматическое различие между священником и мирянином), крещение детей, заботится об их религиозном воспитании в воскресных школах и юношеских собраниях. Свою деятельность община желает распространить на Санкт-Петербург и Санкт-Петербургскую губернию. Прошение было рассмотрено на заседании Санкт-Петербургского губернского правления 12 июня 1909 г. В связи с тем, что секта не принадлежала к разряду «изуверских», было принято решение о его удовлетворении и регистрации общины под заявленным названием, о чем и было объявлено в «Санкт-Петербургских Ведомостях» и «Сенатских объявлениях»<sup>2</sup>.

Однако уже в начале следующего 1910 г. в ходе переписки между Департаментом духовных дел и канцелярией Санкт-Петербургского губернатора выяснилось, что регистрация была произведена не в точном соответствии с законом. Высочайший указ 17 октября 1906 г. ст. I разд. II предусматривал образование общин лишь для сектантов отпавших от православия. Тогда как из числа лиц, подписавших заявление о регистрации «Первой методистской епископской церкви в Санкт-Петербурге» в своем первоначальном вероисповедании только трое принадлежали к православию, все остальные были протестантами. В связи с этим Министерство внутренних дел за подписью П. А. Столыпина предложило считать постановление Губернского правления от 12 июня 1909 г. неправильным и обжаловать его в Сенате. 18 июня 1910 г. Губернское правление вышло с соответствующим ходатайством в Правительствующий Сенат, где дело затянулось<sup>3</sup>. Лишь в декабре 1912 г. в МВД поступило уведомление, что указом Правительствующего Сената от 16 октября 1912 г. за № 12351 постановление Санкт-Петербургского губернского правления о регистрации сектантской общины «Первой методистской епископской церкви в Санкт-Петербурге» отменено<sup>4</sup>.

Однако отмена решения о регистрации общины методистов в Петербурге не означала конец ее существования в нашем городе. Как религиозная, так

и социальная деятельность данной общины продолжалась вплоть до начала 1918 г. С января 1909 по декабрь 1917 г. в Петербурге выходил ежемесячный журнал «Христианский поборник», а так же другие издания, пропагандирующие учение методистской церкви (напр.: «Сущность вероучения», «Методисты. Кто они и чего хотят», «Проповеди Дж. Веслей» (в современном переводе — Дж. Уэсли)). С января 1913 г. в связи с ранее упоминаемым решением Сената подзаголовок «Христианского поборника» был изменен. Журнал объявлялся не органом Методистской епископской церкви в Санкт-Петербурге, а ежемесячным вестником евангельских общин методистов. В доме № 44 кв. 10 на 3 линии Васильевского острова была открыта методистская община диаконисс «Вифания». По данному адресу проживала надзирательница этой официально незарегистрированной общины уроженка Финляндии Анна Эклунд. В 1916 г. она отметила двадцать пятую годовщину своей деятельности в качестве диакониссы, из них последние восемь лет были связаны с Петербургом. Деятельность общины сводилась к платному и бесплатному уходу за больными, посещению бедных, шитью и раздаче детского белья. Кроме этого Петербургская методистская община организовала и содержала две миссионерские школы в Китае и Корее. 6 декабря 1914 г. состоялось открытие молитвенного дома методистов в Петрограде на Большом проспекте Васильевского острова в доме № 58.

Если верить данным, приведенным в «Христианском поборнике», численность методистов, которые осуществляли свою религиозную миссию в Петербурге, на 1911 г. составляла более 500 человек членов и приверженцев<sup>5</sup>. Ее национальный состав отличал космополитизм. Проповеди читались на финском, немецком, английском, шведском, русском и эстонском языках. Первым проповедником «Первой методистской епископской церкви в Санкт-Петербурге» был пастор Яльмар Сальми. Она входила в состав годичной конференции Методистской епископальной церкви в Финляндии и России, которая включала в себя Финляндский округ во главе с суперинтендантом Г. Г. Ауланко (Таммерфорс, Финляндия), Шведский округ во главе с суперинтендантом Г. Мелином (Або, Финляндия) и Русский округ, во главе с суперинтендантом Г. А. Саймонсом (Санкт-Петербург). По отъезде Яльмара Сальми в Финляндию Альберт Саймонс, именовавший себя суперинтендантом Методистско-епископской церкви в Финляндии и России, поселился в Петербурге и получил в апреле 1911 г. разрешение на совершение для своих единоверцев богослужбных и молитвенных действий, а также чтение проповедей. Одновременно в Департаменте духовных дел иностранных исповеданий ему было разъяснено, что методистская церковь в России не легализована и в качестве признанного законом исповедания не существует. Как следствие этого, последователи данного вероучения могут именовать себя только «обществом» или прихожанами молитвенного дома, но не церковью, как, впрочем, и присвоенное себе доктором Саймонсом звание суперинтенданта не является верным<sup>6</sup>.

Первым проповедником методизма в России был Яльмар Сальми. 30 марта 1907 г. Санкт-Петербургским губернатором ему было выдано разрешение за

№ 1052 на устройство религиозных собраний в пределах Санкт-Петербургской губернии. Удостоверение, выданное Председательствующим старейшиной Методистской епископской церкви в Финляндии И. В. Хегманом, подтверждало, что Яльмар Сальми состоял пастором данной церкви и был уполномочен проповедовать слово божье<sup>7</sup>.

Вслед за этим в апреле 1907 г. Санкт-Петербургскому губернатору поступило прошение от Сааринена, Ренфолса и Нимана — трех проповедников Финляндской свободной церкви, второй наиболее крупной методистской церкви в Финляндии, в котором они просили разрешить им устраивать религиозные собрания на территории Санкт-Петербургской губернии и тем самым удовлетворять религиозные нужды населения<sup>8</sup>. В мае 1908 г. с аналогичной просьбой в МВД обратился проповедник Некка Латту, член Методистской епископской церкви в Финляндии<sup>9</sup>. Но его прошение не было удовлетворено. Ибо к тому моменту стало известно, что на территории Санкт-Петербургской губернии проживало лишь 14 человек, придерживающихся данного исповедания. При таком обстоятельстве «появление финских проповедников давало основание предположить о желании их заняться панфинской и протестантско-сектантской пропагандой среди местного инородного православного населения» — так писал в конфиденциальной записке директор Департамента духовных дел иностранных исповеданий А. Н. Харузин<sup>10</sup>.

Приведенное опасение министерства, по-видимому, сбылось. Из документов Департамента следует, что представители методистской церкви в Финляндии наравне с финскими лютеранскими пасторами повели активную проповедь протестантизма в северо-западных районах России за что и были лишены права въезда в пределы Олонцкой, Архангельской и Петербургской губерний сроком на пять лет<sup>11</sup>. «После переселения из Гельсингфорса в Санкт-Петербург доктор А. Саймонс так же энергично поддерживал развитие методистской пропаганды», в особенности в губерниях со смешанным финским населением<sup>12</sup>.

Справедливости ради надо заметить, что методисты в Финляндии не отличались особой многочисленностью. В 1912 г. их насчитывалось по статистическим данным лютеранской церкви 627 человек, однако их ряды быстро увеличивались (за четыре г. на 21%)<sup>13</sup>. Занесенный в Финляндию через Швецию и Германию из Америки в 1880 г., методизм, по выражению епископа Бурта, в России ожидали «дивные возможности», ибо «Россия есть величайшая страна в Европе». Он продолжал свою мысль: «Мы методисты постучали в открытую дверь и вошли в нее. 160 миллионов населения молят нас прийти. Их отчаянная нужда есть их настойчивый призыв. Д-р Мотт <председатель «Христианского общества молодых людей».— Е. Т.> сказал: «Ни одна нация не имеет такой грядущей судьбы как Россия» Скоро она опередит одно или два столетия и займет место впереди всего религиозного, научного и торгового мира, и старое постепенно уступит место новому. Может быть и мы будем участвовать в грядущих великих событиях»<sup>14</sup>.

<sup>1</sup> *Бурт В.* Дело Методистской епископской церкви в Европе (отчет епископа для Европы доктора Вильяма Бурта за четырёхлетие 1908—1912 г. перед Генеральной конференцией Методистской епископской церкви 1—31 мая 1912 г. в Миннеаполисе) // Христианский поборник. СПб. 1912. № 8 (20). С. 74 (186).

<sup>2</sup> РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 1006. Л. 21.

<sup>3</sup> РГИА. Ф. 821. Оп. 5. Д. 1040. Л. 91, 92, 93, 103, 104, 107.

<sup>4</sup> РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 1006. Л. 75.

<sup>5</sup> *Саймонс А.* Отчет суперинтенданта доктора А. Саймонса // Христианский поборник. СПб. 1910. № 8 (20). С. 62 (164).

<sup>6</sup> РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 1006. Л. 56, 59.

<sup>7</sup> РГИА. Ф. 821. Оп. 5. Д. 1040. Л. 108.

<sup>8</sup> Там же. Л. 55, 56.

<sup>9</sup> Там же. Л. 57, 58, 59.

<sup>10</sup> Там же. Л. 64.

<sup>11</sup> РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 1006. Л. 30, 38, 39.

<sup>12</sup> РГИА. Ф. 821. Оп. 5. Д. 1040. Л. 113.

<sup>13</sup> *Негин.* Финляндская лютеранская церковь за 1908—1912 года // Финляндская газета. Гельсингфорс. 1913. № 224. С. 1.

<sup>14</sup> *Бурт В.* Указ. соч. С. 74 (186).

Г. С. УСЫСКИН

## ЗАГАДКА ГЕЛЬСИНГФОРГСКОГО АРХИВА ВАЛЬТЕРА ШЕБЕРГА

Конец 1922 г. Москва. В Хельсинки направляется российская торговая делегация. К одному из ее членов — Сергею Федоровичу Гардснину перед отъездом обратился активный участник революционных событий в России Зиновий Яковлевич Литвин-Седой с просьбой навестить Вальтера Ивановича Шеберга и узнать у него об оставленных в 1907 г. партийных документах.

Кто он — этот Вальтер Шеберг? Его соратник по конспиративной деятельности Владимир Мартынович Смирнов записал в книге воспоминаний: «В то время он был виноторговцем, позднее — владельцем антикварного магазина. Его тогдашний магазин на Западной Генриховской улице был, так сказать, массовым явочным пунктом, главным образом, для революционеров, не имевших паролей. Вообще он оказал огромную помощь бесчисленному множеству различных «эмигрантов», размещал их у себя на квартире, а также у разных частных лиц и по пансионатам, покупал для отъезжающих за границу пароходные билеты в таком большом количестве, что пользовался даже значительной скидкой в пароходном обществе, прописывал паспорта беженцев в полиции и даже заботился об их развлечениях»<sup>1</sup>.

Надо сказать, что «Клад Шеберга» был известен и другим лицам. Еще при жизни Вальтера Ивановича, в начале 1934 г., у него побывал Николай Евгенье-

вич Буренин. Они были хорошо знакомы с давних времен по совместной конспиративной работе. Осенью 1933 г. при поддержке А. М. Горького Буренин выехал в Финляндию и Швецию для разыскания исторических документов времен первой российской революции. У Вальтера Шеберга Николай Евгеньевич обнаружил несколько документов и памятных предметов<sup>2</sup>. К сожалению, неизвестно, состоялся ли в ту пору разговор об архивных документах.

Вернемся в 1922 г. 8 марта С. Ф. Гарденин отправил из Хельсинки в Москву подробное письмо о свидании с Шебергом. З. Я. Литвин-Седой незамедлительно передал это письмо в Истпарт. Хранится оно в РЦХИДНИ (бывшем Центральном партийном архиве). С содержанием письма Гарденина, надо полагать, тогда не познакомили Ленина и Крупскую. Приведем письмо полностью:

«Тов. Седому. Москва. Мне передана была Ваша просьба узнать у Вальтера Шеберга относительно оставленных Вами у него Ваших бумаг.

Сегодня я был у Вальтера Ивановича. Он сообщил мне следующее: какие именно бумаги были оставлены Вами, он не помнит. В 1910 г. у него русской охранкой был проведен обыск, причем было взято около половины бумаг, оставленных ему на хранение в разное время разными лицами. Остальная половина хранится у него в настоящее время. По моей просьбе он показал мне эти бумаги. По внешнему виду — это корзина из урезанной драпки около 3/4 аршина, 1/2 аршина ширина и 6 вершков вышины. При беглом осмотре содержания этой корзины (я не имел пока времени детально с ней ознакомиться) там содержатся следующие материалы: 1. Доклады и корреспонденции различных комитетов РСДРП Центральному комитету, преимущественно периода 1904 г.; 2. Донесения агентов ЦК РСДРП того же периода; 3. Отдельные листы протокола какого-то собрания, где упоминаются «Рыбак» и «Фишер»; 4. По-видимому, черновики прокламаций ЦК периода 1904 г. (о японской войне); 5. Денежные и материальные отчеты Технического бюро ЦК о распространении заграничной литературы (за несколько месяцев без указания г.); 6. Несколько зашифрованных текстов без даты, подписи и адресата; 7. Несколько черновых циркулярных писем ЦК. Часть этих бумаг в копиях, часть — подлинники; 8. Обширная переписка из тюрьмы (несколько сот писем), адресованных «Нате», человека, сидевшего в «Крестах», по-видимому, в 1904 г.; 9. Разрозненные №№ нелегальных журналов, с.-д., русск., еврейск. и др.

Некоторые из документов писаны рукой Надежды Константиновны Ульяновой-Крупской, почерк которой мне хорошо известен.

Ввиду того, что материалы, хранящиеся у Вальтера Ивановича, представляют определенный интерес, я понимаю, что Истпарту было бы небезинтересно получить их в свои руки. С завтрашнего дня я приступаю к детальной разработке составления описи этих документов, на что получил уже согласие Вальтера Ивановича. Одновременно пишу М. И. Покровскому и Н. К. Ульяновой с просьбой прислать мне доверенность на получение этих документов и отсылку их в распоряжение ЦК. Так как невозможно установить, что именно из этих бумаг принадлежит Вам, то по получении их в России Вы сами сможете отобрать их в ЦК партии.

8 марта 1922 г. С тов. приветом Сергей Гарденин. Адрес: Гельсингфорс. Русск. торг. делегация. Серг. Фед. Гарденину (отправл. корреспонденции через отдел динкурьеров НКВД)»<sup>3</sup>.

Как же развивались события дальше? Судить об этом можно по копиям писем, сохранившихся в архиве. Одно из них — В. И. Шебергу, другое — С. Ф. Гарденину. В письме к Шебергу Истпарт просил Вальтера Ивановича не отказать в передаче имеющегося у него партийного архива и всех документов Гарденину для пересылки их в Москву. Здесь же короткая приписка: «Об этом же просит Вас и В. И. Ульянов-Ленин».

Из письма к Гарденину узнаем некоторые подробности: «Архив этот представляется очень ценным, и Истпарт более чем заинтересован в получении. Посылаем Вам письмо от Владимира Ильича (написанное рукой Надежды Константиновны и подписанное Ильичем), адресованное тов. Шебергу, на предмет выдачи им Вам на руки означенного архива без особых колебаний. А Вы не откажите отправить этот архив по адресу: Москва, Ваганьковский, 8, Истпарт».

К сожалению, больше никаких документов в этом фонде нет. Возможно, остальные бумаги, имеющие отношение к данному сюжету, попали в другой фонд. Подтверждение — отметка на обложке с указанием на Книгу внутреннего перемещения в 1978 г. Вот тогда-то связанные с этим делом бумаги и могли «разбежаться». Но это только догадка.

Логично предположить, что Ленин и Крупская должны были заинтересоваться результатами своей просьбы к Вальтеру Шебергу. Возникает еще один вопрос — Шеберг сообщил Гарденину, что в 1910 г. часть документов, хранившихся у него, а это около половины всех бумаг, забрала царская охранка. Что это были за документы? Куда они делись?

На второй вопрос частично помогает ответить секретное донесение из Министерства внутренних дел на имя генерал-губернатора Финляндии В. А. Бекмана. В донесении сообщалось, что по сведениям департамента полиции, делегатам Общерусской конференции РСДРП, направлявшимся в декабре 1908 г. в Стокгольм, была дана промежуточная явка в Гельсингфорсе: «Старо-Генриховская, д. № 6 — винная торговля, где спросить «Вальтера Ивановича», или Университетская библиотека, где спросить заведующего русским отделом Смирнова (он же Паульсон)». Далее, на второй странице, самое интересное: «...Из поступивших в настоящее время в департамент полиции дальнейших сведений оказалось, что начальник сыскной полиции гор. Гельсингфорса предупредил Смирнова и «Вальтера Ивановича» о том, что за ними ведется наблюдение со стороны Имперских розыскных органов, вследствие чего названные лица крайне обеспокоены ныне за целостность архива Российской социал-демократической партии, хранящегося в русском отделе Университетской библиотеки»<sup>4</sup>.

Донесение поступило в Гельсингфорс 7 марта 1909 г.. Вероятно, после этого доноса русская охранка и провела обыск у Шеберга, захватив часть архива РСДРП.

Есть основание предполагать, что архив Вальтера Шеберга отправили из Гельсингфорса. Но факт поступления документов не зафиксирован. Об этом, например, ни слова не говорится в таком авторитетном издании как «Фонд документов В. И. Ленина», где подробнейшим образом расписано, когда и как поступали в архив документы центральных органов партии, тем более связанные с деятельностью В. И. Ленина.

Попробуем пойти другим путем. Из сохранившихся копий писем нам известно, что Ленин передал через Гарденина свою просьбу о возврате архива. Открываем 12-й том Биографической хроники В. И. Ленина и просматриваем события марта 1922 г. Ничего! Все расписано по дням, а где-то и по часам. О письме Шеберга ни слова. Как будто его и не было вовсе.

Еще одна попытка. Вместе с сотрудницей архива и знатоком ленинских документов М. С. Веселиной, принимавшей участие в подготовке 12-го тома Биохроники В. И. Ленина, просматриваем журнал регистрации из приемной дома в Горках. Это своего рода «вахтенный журнал», где ничего не должно быть упущено. Страницы мартовских записей секретарей, строчка за строчкой. Никакой отметки о письме Вальтеру Шебергу нет. Почему? Вокруг архива Шеберга возникла еще одна загадка.

Трудно задавать вопросы, но еще труднее отвечать на них. Если не сегодня, то завтра должна открыться загадка архива Шеберга. Будем надеяться, что это время обязательно придет.

<sup>1</sup> Смирнов В. Из революционной истории Финляндии 1905, 1917, 1918 гг. Л., 1933. С. 60.

<sup>2</sup> Музей политической истории России (СПб.). Ф. 11 (фонд Н. Е. Буренина). Д. 13300. В-44.

<sup>3</sup> Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории (РЦХИДНИ). Ф. 70. Книга внутренних перемещений. № 4225. Л. 141-142.

<sup>4</sup> *Kansallisarkisto. Kenraalikuvernöörin kanslian arkisto (KKK). 1909. Fb. 452. XVIII-3.*

Т. С. ФЕДОРОВА

## ТВОРЧЕСТВО АРХИТЕКТОРА Я. ПЕРРЕНА В ПЕТЕРБУРГЕ И ФИНЛЯНДИИ

Долгое время имя Якова Перрена не было известно даже профессионалам-архитекторам, его нет ни в одной энциклопедии, ни в одном биографическом справочнике. Только в 1994 г. удалось установить, что он автор храма в г. Котка в Финляндии, который является памятником архитектуры.

Сведения о Я. Перрене до сих пор крайне скудны. Родился он в 1750 г., с 1768 г. по 1800 г. служил в Петербургском адмиралтействе, имел чин надворного советника, в декабре 1796 г. произведен в советники полковничьего ранга.

Помимо русского языка, знал немецкий и «национальный», видимо, французский, гражданскую архитектуру, геодезию и механику<sup>1</sup>. Всю жизнь он работал в морском ведомстве, возводил постройки, вероятно, не очень значительные, в местах базирования морского флота России.

Наиболее ярким в творческой биографии архитектора стало последнее десятилетие XVIII в., последнее и в его жизни. В 1792 г. по проекту Я. Перрена и под его руководством был построен в Галерной гавани Петербурга храм Святой Живоначальной Троицы.

В своей истории этот храм пережил три периода. Первая церковь Пресвятой Троицы, поставленная в 1721 г. для чинов галерной эскадры, была полотняной и размещалась у Мало-Калинкина моста на Адмиралтейской стороне. В 1725 г. полотняную церковь перенесли в только что построенную на Васильевском острове Галерную гавань, куда было перебазировано 90 галер и переведено 2000 человек гребной команды. В 1733—1792 гг. церковь Св. Троицы в Галерной гавани располагалась в казенном деревянном бараке и являлась домо-вой военной церковью.

Наконец, в ноябре 1792 г. был освящен новый деревянный храм, возведенный всего за 4 месяца. Внешне очень скромная двухэтажная постройка «кораблем» имела вид невысокого правильного продолговатого четырехугольника, с примыкавшей к нему с западной стороны небольшой одноярусной колокольней.

Иконы, в том числе Св. Троица, Тихвинская Божия Матерь и преподобный Сергей Радонежский, частью перенесли из прежней церкви, частью были куплены. Кроме этих икон, в трехъярусном иконостасе находилось несколько чтимых образов: Св. Николая (середины XVIII в.), Явление Св. Троицы преподобному Сергию, по преданию висевший в кабинете Петра I, золоченый серебряный крест с корабля «Св. Екатерина», поднесенный в 1727 г., и образ Спасителя, подаренный церкви внуком генералиссимуса А. В. Суворова А. А. Суворовым-Рымникским.

Состав прихода Троицкой церкви в Галерной гавани был разным: сначала это были матросы, команды гребных судов и их семьи, затем, когда строительство галер прекратилось и морские команды расформировали, на этой окраине Петербурга стали селиться мелкие чиновники, разночинцы, мещане привлеченные сюда дешевой квартирой. После основания в 1857 г. Балтийского судостроительного и механического завода в церковном приходе преобладали крестьяне, нанимавшиеся на этот завод, заводские и фабричные рабочие. К концу 80-х гг. XIX в. население гавани насчитывало около 15 тыс. человек.

И все это время, в течение 100 лет от Галерной гавани до 23 линии Васильевского острова церковь св. Троицы была единственным храмом (она находилась на углу Наличной ул. и Среднего проспекта), пока в самом конце XIX в. не был построен храм Божией Матери Умиление (Милующая), подчинявшийся Троицкой церкви. Она была, кроме того, и единственным очагом культуры и просвещения в этом районе<sup>2</sup>. Без серьезных перестроек как со стороны фасада, так и интерьера, творение архитектора Перрена сохранялось полтора столетия,

но в 1932 г. старинный храм, памятник архитектуры конца XVIII в., связанный с историей Галерной гавани и военно-морского флота, был уничтожен<sup>3</sup>.

В 1796 г. вместе с архитекторами В. И. Баженовым и Кребером Перрен участвовал в конкурсе на постройку в той же Галерной гавани «новых сараев» вместо сгоревших (там должны были разместиться 30 галер и 120 лодок), но предпочтение было отдано плану и смете Кребера<sup>4</sup>.

В последующие годы архитектор выполнял различные мелкие работы. Он часто болел, ему было трудно содержать большую семью, обременяли постоянные долги, но, несмотря на это, Перрен, видимо, находился на творческом подъеме. Накопленные знания, опыт, интерес к новым архитектурным стилям требовали выхода, и он неожиданно нашелся.

26 января 1798 г. Яков Перрен получил указ Адмиралтейств-коллегии составить планы и сметы каменной и деревянной православной церкви в новом военно-морском порте России — Роченсальме (ныне Котка), который был основан после окончания русско-шведской войны 1788—1790 гг. для защиты русской границы. Перрену поручалось разработать план храма с фасадом, «близко сходствующим церкви, в Галерной гавани находящейся», но мастер создал проект каменной церкви, творчески переработав тип церкви «кораблем». Схожи внешне оказались только колокольни.

Проект храма в Роченсальме был разработан в духе римской архитектуры с чертами, характерными для русского классицизма конца XVIII в., выдающимся представителями которого были, творившие в то же время, В. Баженов, А. Захаров, Н. Львов. Не случайно, что до 1994 г. авторство постройки приписывалось А. Захарову.

21 марта 1799 г. Адмиралтейств-коллегия рассмотрела проект (план, разрез и фасад) каменной церкви в Роченсальме<sup>5</sup>, а через 3 дня они были утверждены императором Павлом I<sup>6</sup>. 3 сентября того же года командующий Балтийским гребным флотом адмирал П. И. Пущин подписал с Выборгским купцом Е. Судговым контракт на строительство церкви, в котором были оговорены все основные вопросы постройки, отдельные детали выполнялись по указанию архитектора<sup>7</sup>.

В соответствии с контрактом, продолговатая в плане церковь Св. Николая Чудотворца в Котке представляет собой так называемый латинский крест, у которого западный вход и входы на боковых фасадах выделены портиками с колоннами дорического ордера. Храм увенчан пологим куполом, в барабане прорезаны прямоугольные оконные проемы без наличников. Прекрасные пропорции объема и изысканный рисунок колокольни свидетельствуют о мастерстве автора.

Внутри храма в притворе по трем сторонам имеются обширные хоры, огражденные перилами. Они покоятся на рядах дорических колонн, делящих притвор на три нефа. В расположении хоров и использовании колонн дорического ордера — внутреннее сходство храмов в Галерной гавани Петербурга и Роченсальма. Колонны относительно грузных пропорций с характерной утонченной шейкой под капителями, что выдаст интерес автора к архитектуре Эл-

лады. Все четыре арки по сторонам центрального подкупольного пространства опираются на спаренные колонны, аналогичные имеющимся в притворе.

Осенью 1799 г. были приготовлены все строительные материалы, а само возведение храма отложено до весны 1800 г. В связи с этим адмирал П. И. Пущин просил Адмиралтейств-коллегию прислать в начале 1800 г. в Роченсальм автора проекта церкви. Но архитектор Перрен уже в течение нескольких месяцев был тяжело болен и 23 мая 1800 г. скончался<sup>8</sup>. Разработка плана, фасада и профиля плана храма Св. Николая Чудотворца в Роченсальме стала его лучшим, но, к сожалению, последним творением.

Строительные работы по возведению храма велись под наблюдением архитектора Петербургского адмиралтейства Лаврентия Миллера, который, возможно, внес необходимые изменения в проект Перрена. Он же автор проекта иконостаса храма, который выполнялся тремя плотниками Охтинской слободы Петербурга<sup>9</sup>. По окончании столярной, резной, малярной и золотарной работ они доставили иконостас в Кронштадт, а оттуда на гукоре «Св. Андрей» в Роченсальм<sup>10</sup>, где под наблюдением Л. Миллера собрали и установили его на место. Вероятно, на том же судне были доставлены и образа для иконостаса и всего храма. 21 образ к лсту 1801 г. написал профессор шпалерной мануфактуры в Петербурге Иван Туцылов<sup>11</sup>.

По мнению исследователя храма в Котке И. Н. Кудрявцева, вследствие того, что автором иконостаса стал другой архитектор, он решен «как самостоятельная конструкция, введенная внутрь храма почти независимо от остальных частей здания»<sup>12</sup>. Иконостас закрыл одну из арок, расположенную в алтаре, вместе с двумя парами колонн, арку, аналогичную трем другим, находящимся в центральной части храма. Поверхность иконостаса окрашена в спокойный зеленый цвет.

Первоначально окраска интерьера церкви, вероятно, была перлового цвета (жемчужный, белый с сизым отливом), в основном она сохраняется и сейчас.

Храм был освящен 14 (26) октября 1801 г. Расположенная на высоком месте, церковь окрашена охрой с выделением колонн и лепных карнизов белым цветом и хорошо смотрится на фоне зелени окружающих ее деревьев. Она всегда привлекала внимание классическими пропорциями, изысканным рисунком деталей и силуэта. Храм многократно ремонтировался, но никогда не перестраивался. Конструктивные особенности храма продолжают привлекать внимание исследователей<sup>13</sup>, особенно после того, как удалось обнаружить в РГАВМФ документы о его создателе. В 1995 г. храм отметил свое 200-летие, он ведет начало от деревянной церкви Св. Николая Чудотворца, построенной в 1792 г. Юбилею церкви посвящена прекрасная книга, рассказывающая о ее истории, убранстве и деятельности<sup>14</sup>.

Действующий каменный храм в г. Котка находится в отличном состоянии и для православной общины является не только храмом, но и своеобразным культурным центром.

Автор же этого памятника умер в неизвестности и крайней нужде. 24 мая 1800 г. его вдова обратилась к вице-президенту Адмиралтейств-коллегии графу

Г. Г. Кушелеву с просьбой помочь похоронить покойного. Как докладывал Кушелев Павлу I, после смерти Якова Перрена «осталась жена в беднейшем состоянии с шестью детьми, из коих 4 дочери и 2 сына, находящиеся в Инженерном корпусе кадетами. По бедности их на погребение тела выдано из заслуженного покойным жалования»<sup>15</sup>. По повелению императора семье была назначена пенсия в размере жалования, которое получал архитектор<sup>16</sup>. Старший сын Перрена Александр к тому времени был уже совершеннолетним и потому в прошении вдовы не упоминался, впоследствии он получил высокий чин 4 класса. Два младших сына, Петр и Яков, стали генерал-лейтенантами артиллерии и продолжали служить России.

<sup>1</sup> РГАВМФ. Ф. 212. Оп. 1. Д. 328. Л. 5 об., 6.

<sup>2</sup> Алексеев А. Памятники царских милостей в Галерной гавани. СПб., 1902.

<sup>3</sup> Антонов В., Кобак А. Святые Санкт-Петербурга. СПб., 1994. С. 235.

<sup>4</sup> Материалы для истории русского флота. Ч. XIV. СПб., 1893. С. 574.

<sup>5</sup> РГАВМФ. Ф. 135. Оп. 1. Д. 160. Л. 378.

<sup>6</sup> Там же. Ф. 227. Оп. 1. Д. 69. Л. 208.

<sup>7</sup> Там же. Ф. 135. Оп. 1. Д. 160. Л. 395—397.

<sup>8</sup> Там же. Ф. 198. Оп. 1. Д. 35. Л. 221.

<sup>9</sup> Там же. Ф. 135. Оп. 1. Д. 160. Л. 431—432.

<sup>10</sup> Там же. Ф. 212. Оп. 3. Д. 737. Л. 83 об.

<sup>11</sup> Там же. Ф. 135. Оп. 1. Д. 160. Л. 433.

<sup>12</sup> Кудрявцев И. И. Храм в г. Котка в Финляндии — произведение русского классицизма конца XVIII в. Новое о творчестве архитектора А. Захарова.

<sup>13</sup> Küttner J. Problematiken kring Kotka ortodoxa kyrkas byggnadshistoria och körsta arkitekt. Vammala, 1997 (Отдельный оттиск).

<sup>14</sup> Kotkan Pyhän Nikolaoksen kirkon historia. Pieksämäki, 1995.

<sup>15</sup> РГАВМФ. Ф. 198. Оп. 1. Д. 35. Л. 221 об.

<sup>16</sup> Там же. Ф. 227. Оп. 1. Д. 73. Л. 50.

В. И. ФОКИН

## СОВЕТСКО-СКАНДИНАВСКИЕ КУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ В 1930-Е ГОДЫ

Советско-скандинавские культурные контакты между двумя мировыми войнами опирались не только на традиционные связи русской культуры и культуры народов скандинавских стран, но и на складывавшуюся международную обстановку. Значительный рост влияния на Скандинавском полуострове левых политических сил в 1920-е гг., создал благоприятную ситуацию для развития отношений с советской Россией, включая контакты в области культуры. Эти связи оказались под угрозой в начале 1930-х гг., когда политические и социальные репрессии в СССР резко усилили критическое отношение скандинав-

ской общественности к советскому эксперименту. Но успехи советской индустриализации на фоне мирового экономического кризиса постепенно вернули пошатнувшееся доверие скандинавов. Во второй половине 30-х гг. обострение политической ситуации в Европе, рост угрозы возникновения новой мировой войны заставляло народы малых государств искать новые гарантии региональной безопасности, в том числе со стороны СССР, который мог стать противовесом фашистской экспансии. Это сказывалось на политических и культурных отношениях скандинавских стран с СССР.

Общество «Датско-русское сотрудничество» было создано в 1923 г. и объединяло около 60 представителей интеллигенции. Активную роль в нем играли М. Андерсен-Нексс и деятель социал-демократической партии Г. Болган. Широкие научные связи с нашей страной поддерживал Н. Бор<sup>1</sup>. В 1933 г. при обществе было создано Бюро переводчиков советской литературы «Литаг» во главе с А. Чемеринской-Кон, переводчицей произведений Ф. Гладкова, М. Панфорова, М. Шолохова и других русских писателей. В ее переводе на сцене Королевского театра в Копенгагене шла пьеса советского автора В. Киршона «Хлеб» (1934 г.). Активизировалась деятельность общества в 1936–1937 гг.: были прочитаны доклады о СССР, о взаимном влиянии русской и датской литератур. Многочисленные отклики в датской прессе вызвали выставка и доклад о советской детской книге, организованные с помощью общества<sup>2</sup>. Под его эгидой прошли «Пушкинские дни»: на собрании 8 марта 1937 г. в офицерском клубе Копенгагена присутствовали представители правительства и общественности. В фойе располагалась выставка, посвященная А.С. Пушкину, преобразованная затем в экспозицию Королевской библиотеки. Присутствовавшие прослушали доклад поэта и литературного критика О. Галстеда. 10 февраля датское радио передало выступление известного писателя Томапсена, посвященное памяти А.С. Пушкина<sup>3</sup>.

В 1924 г. в Стокгольме было образовано «Шведско-русское общество сближения», которое вело активную деятельность до 1930 г., когда в ответ на жесткие методы коллективизации, общество было распущено. Восстановленное в 1932 г., оно не вело активной работы<sup>4</sup>. Только в марте 1935 г. по инициативе группы шведских ученых состоялось открытие «Общества для поощрения культурных и научных связей между Швецией и Советским Союзом». Помимо организации сотрудничества, общество ставило своей задачей популяризацию успехов народов СССР. Его активистами стали представители шведской интеллигенции: исследователь Арктики профессор Альман, лауреат Нобелевской премии профессор химии Т. Сведберг, профессор медицины И. Хольмгрен, член парламента, адвокат Г. Брантинг, писатели, ученые, артисты. Среди членов общества были представители финансово-промышленных кругов. Председателем общества был избран профессор химии В. Пальмер<sup>5</sup>. Тенденция к расширению культурных связей была отмечена в апреле 1936 г. полпредом А. М. Коллонтай<sup>6</sup>. В 1936 г. общество организовало выставку, посвященную охране материнства и детства в СССР, приняло делегацию советских врачей. По мнению А. М. Коллонтай, «Шведско-русское общество» удачно провело

«Пушкинские дни». Были прочитаны доклады о М. Горьком и А. С. Пушкине. По инициативе общества в прессе были опубликованы статьи о творчестве великого русского поэта<sup>7</sup>. С большим интересом следила общественность Швеции за советской экспедицией на Северный полюс, за другими успехами советского общества. Большой интерес вызвало выступление 6 сентября 1937 г. советского электротехника проф. Г. Графтио о гидростанциях. На нем присутствовали деятели науки и техники, директора предприятий и госучреждений, специалисты по электрификации и гидравлическим сооружениям. В 1938 г. общество организовало выставку, посвященную М. Горькому<sup>8</sup>.

Со второй половины 30-х гг. внимание членов общества культурного сближения все больше привлекает внешнеполитическая деятельность советского государства. Отражением настроений того времени явилась мысль, высказанная известным шведским социал-демократическим публицистом: «Как не вертись, факт остается фактом, что в настоящее время малые народы живут под защитой советских штыков»<sup>9</sup>. Скандинавская общественность с глубокой симпатией относилась к антифашистской направленности советского искусства. Так, с большим интересом был встречен просмотр советского фильма «Профессор Мамлок», устроенный по инициативе общества в декабре 1938 г. Присутствовавшие на просмотре зрители бурными аплодисментами встречали сюжеты, где нацистам «приходилось туго»<sup>10</sup>. Таким образом, благодаря развитию культурных связей с СССР росла антифашистская солидарность международной общественности.

Улучшение в 1933 г. советско-норвежских отношений способствовало созданию Общества культурного сближения с СССР в Норвегии. Многие сделали для создания общества и его активной деятельности К. Ханстеен — секретарь общества. Среди членов общества были видный ученый-экономист У. Кольбьерсон, писательница Р. Хаген, талантливый художник-антифашист Х. Серенсен, многие члены группы «Мут даг», объединявшей представителей левой интеллигенции Норвегии<sup>11</sup>. Важную роль в развитии научных связей с советскими учеными сыграл президент Академии наук Норвегии Х. Кут — видный исследователь средневековья, высоко ценивший достижения советских историков, член общества культурного сближения с СССР<sup>12</sup>. Норвежское общество культурного сближения представляло весьма значительные круги общественности и располагало немалыми возможностями. Сразу же после образования оно организовало две выставки: «15 лет советского кино» и «Сатира и юмор в СССР». Большой успех у посетителей выставки имела демонстрация советских фильмов, которые не шли в прокате<sup>13</sup>. Известностью пользовались доклады о СССР членов общества, статьи известного норвежского писателя Н. Грига о театральной жизни в СССР и журналиста А. Эстведта о советской музыке. Общество установило контакты с Институтом сравнительного изучения культур, академическими и студенческими организациями, крупными издательствами и журналами Норвегии, медицинскими, педагогическими и архитектурными организациями<sup>14</sup>. Норвежско-советское общество организовало поездку представителей скандинавского искусства на театральную неделю в Москву (июнь, 1933 г.). В состав группы вошли Х. Серенсен, режиссер и

актриса А. Мовинкель, поставившая на норвежской сцене «Ингу» Глебова, директор Центрального театра Отто, редактора ряда журналов, а также известные шведские актрисы П. Бруниус и М. Фаустман<sup>15</sup>. Возросший объем культурных связей позволил обществу в 1934 г. на высоком уровне провести несколько вечеров, посвященных советскому искусству и положению художников и женщин в нашей стране. Вечера проходили с демонстрацией советских фильмов, вызывая интерес у жителей норвежской столицы<sup>16</sup>. В событие вылился вечер в Осло, посвященный памяти А. С. Пушкина 11 февраля 1937 г., в университетской библиотеке столицы открылась выставка о русском поэте. Вечером 11 февраля в Актовом зале университета состоялось собрание общественности. На нем присутствовал министр иностранных дел Х. Кут, деятели науки и искусства. Был прочтен пролог о гибели Пушкина, написанный специально для этого вечера Н. Григом. Здесь же читались отрывки из произведений А. С. Пушкина, лекция о его эпохе. С докладом о творчестве А. С. Пушкина выступил литературный критик Э. Краг. Пушкинской теме была посвящена передача норвежского радио<sup>17</sup>.

Деятельность обществ культурного сближения с СССР в скандинавских странах свидетельствовала о глубокой заинтересованности значительной части интеллигенции в развитии и укреплении культурных связей с нашей страной. В орбиту их деятельности было вовлечено немало влиятельных политических деятелей, которые высоко оценивали советскую инициативу по созданию системы коллективной безопасности в Европе. Однако, стремясь сохранить традиционные направления своей внешней политики, правительства скандинавских стран и общественность не считали возможным пойти на более широкое политической сотрудничество с СССР.

Для многих участников культурного сотрудничества с СССР отказ от перехода к совместной активной борьбе против угрозы войны определялся представлением о своей национальной культуре как о части западной цивилизации. Они не считали возможным действовать вопреки внешнеполитическому курсу ведущих западноевропейских государств даже тогда, когда считали его неэффективным, опасаясь остаться вне рамок западного общества. Другим сдерживающим фактором в интеллектуальной среде было распространенное представление о необходимости удержаться от двух крайностей: фашизма и коммунизма. Фашизм отвергался значительной частью интеллигенции европейских стран по самой своей сути. Созидательные тенденции в СССР всегда встречали поддержку и понимание интеллигенции, но непреодолимый моральный барьер на пути политического сотрудничества возводила репрессивная практика сталинизма. Все это не позволило создать единый антифашистский блок, предотвратить Вторую мировую войну.

<sup>1</sup> Иоффе А. Е. Международные связи советской науки, техники и культуры. 1917—1932 гг. М., 1975. С. 100.

<sup>2</sup> Государственный архив Российской Федерации (Далее ГАРФ). Ф. 5283. Оп. 5. Д. 366. Л. 61, 62.

- <sup>3</sup> Там же. Оп. 1. Д. 218, л. 46; Оп. 5. Д. 377. л. 12.
- <sup>4</sup> Там же. Оп. 9. Д. 46. л. 23.
- <sup>5</sup> Там же. Оп. 5 Д. 540. л. 40.
- <sup>6</sup> Документы внешней политики СССР. Т. 19. С. 225-226.
- <sup>7</sup> Документы внешней политики СССР. Т. 20. М., 1976. С. 455.
- <sup>8</sup> Там же. Т. 19. С. 500—501; Т. 20. С. 293—295; Т. 21. М., 1977. С. 233.
- <sup>9</sup> Цит. по: *Кан А. С.* Новейшая история Швеции. М., 1969. С. 149.
- <sup>10</sup> Документы внешней политики СССР. Т. 20. М., 1976. С.455.
- <sup>11</sup> ГАРФ. Ф. 5283. Оп. 5. Д. 43. л. 8.
- <sup>12</sup> Там же. Д. 429. л. 6.
- <sup>13</sup> Там же. Д. 418. л. 1, 86.
- <sup>14</sup> Там же. Оп. 2. Д. 186. л. 1-7.
- <sup>15</sup> Там же. Оп.1. Д. 219. л. 46. Оп. 5 Д. 418. л. 1-2; Д.517. л.17.
- <sup>16</sup> Там же. Оп. 2. Д. 168. л. 1-7.
- <sup>17</sup> Там же.